

скандинавская линия

ЛОТТЕ И СЁРЕН

ХАММЕР

ВСЁ
ИМЕЕТ
СВОЮ
ЦЕНУ

ДАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

18+



Скандинавская линия «НордБук»

Лотте Хаммер

Всё имеет свою цену

ИД «Городец»

2010

УДК 821.113.4-31
ББК 84(4Дат)-44

Хаммер Л.

Всё имеет свою цену / Л. Хаммер — ИД «Городец»,
2010 — (Скандинавская линия «НордБук»)

ISBN 978-5-907085-95-4

Среди льдов Гренландии найдено тело убитой 25 лет назад молодой женщины. Расследованием ее гибели занимается отдел убийств копенгагенской полиции под руководством Конрада Симонсена. Обстоятельства смерти погибшей напоминают Симонсену одно из давних дел, к расследованию которого он имел непосредственное отношение. Позже оказывается, что существует еще несколько подобных случаев, хотя основной подозреваемый в совершении преступлений уже много лет числится мертвым. Дело растет с пугающей быстротой, вскрываются все новые и новые эпизоды. По непонятным причинам ход расследования становится объектом пристального внимания администрации премьер-министра страны. Лотте и Сёрен Хаммеры – авторы 10 детективов, переведенных на 16 языков, героями которых стали главный комиссар уголовной полиции Копенгагена Конрад Симонсен и его коллеги из отдела по раскрытию убийств.

УДК 821.113.4-31

ББК 84(4Дат)-44

ISBN 978-5-907085-95-4

© Хаммер Л., 2010
© ИД «Городец», 2010

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	48
Глава 9	52
Глава 10	62
Глава 11	64
Глава 12	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Лотте Хаммер, Сёрен Хаммер

Всё имеет свою цену

© Lotte Hammer & Søren Hammer & Gyldendal, Copenhagen, 2010

© О. Рождественский, перевод на русский язык, 2021

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2021

Пролог

Всё имеет свою цену.

Быть может, именно здесь, в бухте Диско на Гренландии, человечеству придется сделать первый взнос в счет уплаты своего огромного долга природе за хищническое ее разорение. И тем не менее это все равно будет всего лишь малой крупичей того, что мы на самом деле ей задолжали. Размышляя об этом, фрау федеральный канцлер обернулась и в очередной раз посмотрела на фьорд.

Министр окружающей среды Дании невольно последовала ее примеру, равно как и журналист, бравший в этот момент у дам-политиков совместное интервью. А зрелище было и в самом деле захватывающим: в лазурно-голубом море лениво покачивались льдины всех мыслимых и немыслимых очертаний и размеров, а прямо перед ними причудливой неровной стеной возвышался белоснежный глетчер, отражающий своими гранями лучи летнего солнца столь яркого, что ослепленные ими зрители вынуждены были жмуриться. Время от времени раздавался глухой треск – от ледяной горы откалывался и отправлялся в самостоятельное плавание очередной айсберг, а в бухте долго еще потом отзывалось многократное эхо.

Выждав пару минут, журналист осторожно кашлянул. Он так и не получил ответа на свой последний вопрос и старательно искал способ как можно тактичнее продолжить беседу, однако поскольку непохоже было, что фрау канцлер собирается отвечать, журналист переадресовал вопрос в слегка отредактированной форме – и на этот раз по-английски – представительнице политической элиты Дании.

– Так ли уж необходимо было отправляться на Гренландию, чтобы разобраться в проблеме глобального потепления? Что нового для себя – такого, о чем нельзя было бы узнать, не выезжая из дома, – сумеют почерпнуть здесь сильные мира сего?

Размышляя над ответом, министр понимающе улыбнулась. Представлялось вполне очевидным, что, говоря о «*сильных мира сего*», журналист имел в виду отнюдь не ее, а исключительно ее гостью – что было, в общем-то, понятно, но оттого не менее обидно, ибо данная тема являлась для госпожи министра довольно-таки болезненной. Аргументацию оппонентов она изучила, можно сказать, уже досконально. После того как несколько месяцев назад она организовала поездку на Гренландию группы американских сенаторов, со стороны политической оппозиции на министра незамедлительно посыпался град упреков в культивировании своего рода «климатического туризма». В известном смысле критика эта была заслуженной: действительно, чтобы констатировать факт таяния полярных льдов, фрау канцлер вовсе не обязательно было проделать почти 4000 километров, отделяющие Берлин от Илулссата¹. В этом мог убедиться кто угодно, просто-напросто сравнив сегодняшние и десятилетней давности спутниковые снимки Северного полюса. Или Южного, если уж на то пошло. Однако главным, по мнению министра, был вопрос о том, что именно нужно сделать, чтобы в корне изменить сложившуюся ситуацию – или же, если подходить к положению более реалистично, хотя бы ограничить наносимый экологии ущерб. А ответ на это не могли дать ни глетчеры, ни разного рода спутники.

Фрау канцлер отвернулась от окна и, посмотрев на датчанку, лукаво усмехнулась. Заметно было, что она ожидает от нее ответа с не меньшим нетерпением, чем задавший вопрос журналист. От внезапно поразившей ее параноидальной мысли о некоем сговоре, существующем между сидящими рядом с ней немцами, министру стало жарко, и она непроизвольно потянула вниз язычок молнии своей куртки. Тем не менее отделаться от чувства, будто она сидит перед строгими экзаменаторами, ей так и не удалось. Ведь помимо того, что гостя ее

¹ Илулссат – город в Западной Гренландии, расположенный в 200 км к северу от Полярного круга.

представляла 83 миллиона жителей Германии, она имела еще и степень доктора наук по проблемам, связанным с квантовой химией.

Молния поддавалась с трудом, и это дало министру пару лишних мгновений на обдумывание. Наконец, собравшись с духом, она решилась и ответила честно:

– Ничего.

– Тогда зачем мы здесь?

На мгновение министр задумалась, не стоит ли ей рассказать о судьбе примерно 4000 охотников-гренландцев, на вековом укладе жизни которых пагубное влияние повышения температурного фона сказывается вдвое сильнее, чем на обитателях всех прочих регионов планеты. Тем не менее от этого пришлось отказаться: планируемые ею консультации по вопросу изменения климата должны были носить глобальный характер, так что подобный рассказ был здесь неуместен. Вместо этого она сказала:

– Затем, что политики – тоже люди, и подобные зрелища не сразу ими забываются.

Журналист согласно кивнул, а канцлер широко улыбнулась – оба, по-видимому, остались довольны ответом. Министр подумала, что, быть может, это несколько изменит общий настрой встречи, и у нее все же появится возможность обсудить кое-какие политические проблемы с женщиной, которая в данный момент бок о бок с ней шагала в направлении ожидающих их вертолетов. Фрау канцлер могла бы оказать ей мощную поддержку, высказавшись в пользу проведения через два года в Копенгагене задуманного министром саммита по вопросам мирового климата. До сих пор немку, по всей видимости, в гораздо большей степени интересовали собственные впечатления, нежели обсуждение вопросов политики. Говорила она в основном с входящим в ее свиту ученым-гляциологом и лишь изредка удостоивала своего высочайшего внимания министра окружающей среды Дании.

Как бы там ни было, но надеждам принимающей стороны на проведение политических консультаций не суждено было сбыться, поскольку и в вертолете канцлер сосредоточилась всецело на ученом. Она позаботилась о том, чтобы ему досталось соседнее с ней место, и вскоре, когда винтокрылая машина устремилась вглубь материковых льдов, они уже были увлечены научной беседой, смысл которой министр со своим школьным немецким едва улавливала. Сама она ощущала себя уставшей, и чтобы не уснуть, ей приходилось время от времени пощипывать себя за руку. Картина за бортом была в высшей степени однообразная – сплошные скучные льды, – и сидевший рядом с ней чиновник уже несколько минут как сладко спал. Время от времени он негромко всхрапывал – министр даже хотела было его растолкать, однако передумала, достала из сумки журнал и без особого энтузиазма принялась его перелистывать, пока и сама через несколько минут не задремала.

Последовавшее примерно час спустя пробуждение было внезапным и в высшей степени необычным. Гляциолог, отчаянно жестикулируя, кричал нечто неразборчивое. Канцлер поднялась со своего кресла и указывала на какой-то объект за окном; чуть погодя она решительно потребовала, чтобы вертолет развернулся. Пилот, помедлив мгновение, безропотно подчинился.

Глава 1

Главный инспектор уголовной полиции Конрад Симонсен, прищурившись, взглянул на стоящее над сплошной линией горизонта низкое полярное солнце. Там, на краю света, где небо сливалось со льдами, весь мир был окрашен в нежные пастельные тона зеленых и голубых оттенков, как будто сама природа хотела дать понять, что где-то далеко-далеко отсюда есть места гораздо красивее и привлекательнее. Спокойно окончить там свои дни – что могло бы быть лучше?! Но быть жестоко убитым посреди такого великолепия – это казалось невероятным, неправильным, попросту говоря, не укладывалось в голове! Он пытался гнать от себя подобные мысли. Действительно, что за глупость! Как будто для нее это теперь имеет какое-то значение. На некоторое время инспектор погрузился в созерцание длинной тени на льду, которую отбрасывала его собственная фигура, затем даже попробовал, вытянувшись в струнку, добраться тенью до крохотных расщелин на ледяном панцире и делал это до тех пор, пока не устали и не затекли руки. Затем он снова покосился на затянутое дымкой солнце, от которого, казалось, исходил не столько свет, сколько холод, и недовольно поморщился. Солнце должно всходить и заходить, а не монотонно перекачиваться по дуге с одного края неба на другой, соединяя ночь и день в единое целое. Тщетно пытаясь стряхнуть с себя навалившуюся как-то разом усталость, Симонсен пошире распахнул глаза и подставил лицо ветру. За последние сутки он спал в общей сложности не более трех часов, и ему казалось невероятным, что наступил уже новый день. Прикрыв лицо руками, он несколько мгновений наслаждался темнотой. Интересно, думала ли она напоследок о весенних цветах, о луне, ослепительно-белом песке пляжей или же вспоминала костры в канун Дня святого Ханса? ² Едва ли. Все же было нечто оскорбительное, уничижительное в том, что ей пришлось умереть здесь, где нет ничего, где окружающая тебя пустота кажется огромной, бесконечной, где не место ни одному живому существу. Как бы там ни было, но, по сути, тот, кто совершил это убийство, можно сказать, надругался над своей жертвой вдвойне.

Главный инспектор посмотрел на часы и констатировал, что уже половина восьмого по датскому времени. Сколько это будет по гренландскому ³, он так сразу сказать не мог. Подавив зевоту, Симонсен подумал, что сегодня вымотался больше обычного. Утром он забыл выпить свои таблетки, или точнее – ведь врать самому себе бессмысленно – *снова* забыл выпить свои таблетки, и теперь чувствовал, что последствия этого сказываются. Отчаянно хотелось нарушить данный себе зарок и покурить: казалось, будто одна-единственная сигарета – а то и всего лишь половина ее – способна разом прогнать всю накопившуюся усталость. Инспектор машинально похлопал себя по груди – убедился в наличии пачки во внутреннем кармане, – однако затем решил проявить стойкость и на пару минут отсрочить задуманное нарушение режима, чтобы потом был хоть какой-то повод для гордости. Год назад – или, может, уже два? – у него обнаружили диабет. Данное заболевание в сочетании с ежедневной нервозностью, сопутствовавшей его профессии, заставило Симонсена кардинально изменить – или, по крайней мере, постараться изменить – привычный образ жизни.

Ощущая какое-то неясное беспокойство, он снова бросил взгляд на наручные часы. Результат ничем не отличался от прежнего, и чувство тревоги не улеглось. Повернувшись к соседу, он спросил:

– Ты не знаешь, сколько сейчас может быть времени?

Бросив быстрый взгляд на солнце, гренландец-полицейский лаконично ответил:

² День святого Ханса – аналог празднику День Ивана Купалы.

³ Гренландское время – Гренландия расположена в 4 временных поясах. Время в столице и большинстве городов южного побережья острова отстает от датского на 6 часов. Датское время отстает от московского на 2 часа.

– Три с лишним.

Немногословность местного коллеги отнюдь не скрашивала время ожидания. Звали гренландца Тронд Эгедэ – вот, пожалуй, и все, что Конраду Симонсену было известно о местном сотруднике. Главный инспектор уже всерьез подумывал о том, чтобы вернуться в самолет и попытаться хоть немного поспать, пока техники-эксперты занимаются своей работой. Жесткое и неудобное кресло, которое он проклинал всю дорогу сюда из Нуука ⁴, теперь казалось ему в высшей степени привлекательным. Даже краткий сон – все же лучше, чем ничего, да и бессмысленно торчать здесь рядом с немой, как пень, коллегой и глазеть на то, как эти четверо делают свое дело – все равно, сколько за ними ни наблюдай, ни быстрее, ни медленнее работать они не станут. Однако молчаливый местный кадр мог счесть себя задетым его уходом, а в ближайшее время им крайне необходимо сохранять хорошие отношения с полицией Нуука. Существовала, правда, и иная возможность – послать к черту все правила и присоединиться к экспертам. Едва ли он мог так уж сильно им помешать – уничтожить какие-то следы на месте преступления. С другой стороны, однако, была все же изрядная доля риска, что его прогонят. А это уже могло быть унижительным, да и, кроме того, свидетельствовало бы об известном непрофессионализме с его стороны. Так что вывод напрашивался сам собой – главному инспектору следовало оставаться на своем месте и никуда не рыпаться.

Так и не придумав никакого лучшего занятия, Симонсен решил все же завязать беседу.

– Слушай, а как это, едва взглянув на солнце, тебе удалось определить, что сейчас три? Я имею в виду, ведь здесь же нет никакой привязки к местности – или как там это называется, когда по всему горизонту лишь голый лед и больше ничего.

Гренландец с трудом стянул рукавицу и, закатав рукав куртки, показал свои наручные часы. Снова надев рукавицу, он скупно обронил:

– Вот – тринадцать минут четвертого.

– Стало быть, ты прав.

– Да.

– И это – только по солнцу? Без всяких точных ориентиров?

– Да.

Конрад Симонсен умолк и начал выставлять местное время на своих часах – все ж таки, хоть какое-никакое, а занятие. Внезапно у него возникли некие неприятные сомнения. Сами по себе они мало что значили – так, просто некое неясное ощущение беспокойства, сродни недавнему чувству тревоги. И тем не менее.

– Значит, три тринадцать дня?

Инспектор попытался задать вопрос как можно более небрежно, однако сам почувствовал, что в нем прозвучала нервозность. Гренландец повернулся, внимательно посмотрел на него и лишь после этого ответил:

– Ну да, дня. Ты, никак, из тех, кто путает время суток?

– А что, бывают и такие? Хотя, в общем-то, ты прав – на какое-то мгновение я засомневался.

– Неприятное, должно быть, чувство.

Конрад Симонсен с облегчением кивнул. С трудом выудив из кармана сигареты, он, игнорируя все напечатанные на пачке предостережения, прикурил и жадно затянулся, ничем не нарушая вновь установившейся молчаливой паузы. Расправившись с сигаретой, он нагнулся, аккуратно потушил ее о лед и убрал окурочек в карман. Гренландец с видимым интересом наблюдал за ним. Главный инспектор попытался продолжить беседу:

– Скажи, а тебе самому здесь часто приходится бывать?

⁴ Нуук (Готхоб) – столица Гренландии.

Местный полицейский ухмыльнулся. Лицо его при этом забавно сморщилось, и он стал настолько похож на озорного маленького тролля, что Конрад Симонсен, в свою очередь, не удержался от улыбки.

– Твой напарник, Арне, почему-то тоже так решил. Прости, забыл его фамилию.

Вместо того чтобы показать рукой, он мотнул головой в сторону самолета.

– Арне Педерсен. Его зовут Арне Педерсен.

– Ну да, верно. Так вот, он, как и ты, неизвестно с чего вообразил, что я часто навещаю сюда, на материковый лед. А что? Всего каких-то четыре сотни километров пешочком – это же совсем рядом! И обратно, домой, бодрым и румяным.

Сказано все это было абсолютно беззлобно, скорее с легкой иронией.

– Ладно-ладно, я тебя понял. Разумеется, ты никогда раньше здесь не бывал.

– Не совсем так: я побывал здесь вчера, но вообще-то я в такие места обычно стараюсь не забираться. Да и зачем это мне?

Оба покивали, и на мгновение Конраду Симонсену показалось, что на этом беседа закончится. Однако чуть погодя гренландец сказал:

– Арне Педерсен предупредил, что ты не станешь ничего обсуждать до тех пор, пока сам ее не увидишь. Такой уж, дескать, у тебя принцип.

– Ну-у, это, пожалуй, слишком сильно сказано. Никаких жестких правил я тут не придерживаюсь, хотя, разумеется, предпочел бы немного подождать, если, конечно, ты не возражаешь. Хотя пару моментов вполне можно обсудить и прямо сейчас. Ни для кого не секрет, что это дело мне навесили в спешке, что называется ни с того ни с сего.

Ухмыльнувшись в очередной раз, гренландский полицейский перебил:

– Да уж, наслышан. Арне Педерсен рассказывал, что ты уже совсем было собрался в отпуск. Причем туда, где куда как теплее, чем здесь.

Он снова усмехнулся.

С каждой минутой собеседник нравился Конраду Симонсену все больше и больше.

– Ну да, отдельное спасибо за напоминание, что теперь я как раз должен был быть на пути в Пунта-Кана – это где-то в Доминиканской Республике, если, конечно, ты знаком с географией. Валялся бы там со своей подругой на песочке под пальмами и ждал, пока не прибудет прекрасный корабль «Легенда морей» Карибских королевских морских круизных линий и не заберет нас в... Уф, мне даже думать обо всем этом не хочется.

– Ладно, не стоит благодарности.

– Как бы там ни было, но информировать меня о том, что именно произошло вчера, в сущности, просто-напросто не было времени, или же никто из тех, с кем я разговаривал, и сами ничего толком не знали. Так что, неужели и вправду сама фрау федеральный канцлер обнаружила покойную?

– Не совсем, хотя, по-видимому, можно и так сказать. Первым ее заметил гляциолог – эксперт по глетчерам, а уж потом он указал на нее фрау канцлер.

– А ты сам был вместе с ними в самолете, когда все это произошло?

– Нет, но тот, кто мне рассказывал, был. Кстати, летели они не на самолете, а на вертолете. Всего там было три вертолета, принадлежащие компании «Эйр Гренланд» большие машины «Сикорские S-61»; ну, знаешь, те, легендарные, красные, мы еще называем их «Си Кингз».

Конрад Симонсен не имел ни малейшего представления, о чем идет речь, и все же исключительно из вежливости лицемерно кивнул и подхватил:

– Ну да, конечно. Красивые машины!

– Вот и я о том же. Значит, в одном вертолете летели канцлер и министр окружающей среды Дании со своими сопровождающими, в другом – агенты службы безопасности и немцы из тех, что рангом пониже, и в последнем – журналисты. Машина с канцлером на борту шла первой. Маршрут был проложен почти по прямой над самым ледниковым щитом от Илулиссата

в бухте Диско до Нуука, где дамам предстояло пересесть на обычные самолеты и отправиться, соответственно, в Копенгаген и Берлин. Так вот, она – канцлер то есть – настояла на том, чтобы сделать крюк вглубь материковых льдов – вероятно, исходя из неверного посыла, что там таяние идет интенсивнее. Как бы там ни было, но она этого пожелала, и никто не стал ей возражать.

– И что, там действительно можно встретить что-то необычное?

– Ничего особенного. После того, как увидишь первую талую лужу – а на глетчере вблизи Илулиссата их предостаточно, – то есть после первых же двух минут полета любоваться решительно нечем, если, разумеется, не считать сотен точно таких же луж. Да и чем глубже во льды забираешься, тем реже и реже их встречаешь, так что, как сам понимаешь, смотреть там практически не на что.

Ответ Конрада Симонсена прозвучал крайне дипломатично:

– Да нет, что ты, пейзажи здесь, в общем-то, впечатляющие, правда, действительно слегка однообразные.

– Н-да, можно и так сказать. Как бы там ни было, но канцлер сочла их поездку весьма интересной, да и гляциолог, разумеется, тоже. Он всю дорогу сидел рядом и читал ей своего рода лекцию. Наверняка к большой досаде министра экологии.

– А она, выходит, вовсе не горела желанием взглянуть на ледниковый щит?

– Она, вероятно, гораздо охотнее обредила бы кое-какие политические вопросы. Там вместе с ними в вертолете были два чиновника из Центральной администрации⁵. Я разговаривал с одним из них, и он признался, что они с коллегой всю дорогу потешались. Никто бы не мог подумать, что канцлер так увлечется ролью студентки. Некоторое время назад к министру окружающей среды приезжали по тому же поводу американцы – разные там сенаторы и прочая подобная публика, – так вот, в тот раз все развивалось совсем по-другому. Они восприняли поездку как своего рода увеселительную экскурсию – один из сенаторов даже попросил разрешения поохотиться на здешних оленей. Может, это и была шутка, однако наша местная пресса, помнится, шумно негодовала. Так или иначе, однако ни один из них не выразил ни малейшего желания полюбоваться пейзажами материковых льдов дольше, чем это было предусмотрено программой.

Конрад Симонсен поспешил вернуть разговор в первоначальное русло:

– В отличие от канцлера?

– Да, вот и я говорю. Вертолет шел на минимально допустимой высоте; кроме того, у каждого члена экспедиции был персональный бинокль, которым, правда, никто, не считая канцлера и гляциолога, так и не пользовался после первого полета. Как мне сказали, датчане дремали, а немцы стучали на своих компьютерах.

Он ухмыльнулся, а Конрад Симонсен поспешил вставить:

– Что ж, превосходное разделение труда! А что произошло потом?

– На протяжении часа с лишним не происходило ничего. Не знаю, с какой скоростью летают такие вертолеты, но, по-видимому, длилось все это где-то от часа до полутора. Фрау канцлер слушала лекцию по вопросам климата, прочие занимались своими делами. И тут внезапно она и ученый начали наперебой кричать что-то. Поначалу никто ничего не понял: крики были какие-то путанные и бессвязные. Да оно и понятно – ведь не каждый день приходится видеть труп. Затем после небольшой дискуссии пилот развернул вертолет, и они вернулись, чтобы отыскать это место. Так они и оказались здесь.

– Они приземлились?

– Нет, повисели в воздухе пару минут, пока пилот передавал на землю координаты. Кто-то из пассажиров, сумевший сохранить присутствие духа, весьма предусмотрительно велел по

⁵ Центральная администрация (Hjemmestyret) – центральный орган самоуправления Гренландии.

радио вертолету с журналистами немедленно улетать, пока вся мировая пресса еще не успела сделать кучу снимков. Разумеется, действовал он, исключительно руководствуясь здравой мыслью, что это может помешать запланированным консультациям по вопросам климата. Сам ведь понимаешь, убийство – гораздо более ходовой товар для прессы, нежели какое-то там глобальное таяние льдов. Тем не менее нельзя сказать, что действия предусмотрительного чиновника полностью увенчались успехом. После того как вся компания вернулась в Нуук, произошла-таки утечка: в руки журналистов попало несколько фотографий, сделанных из вертолета охраны, которые сразу же заполнили первые страницы газет всего континента. Заголовки были такими: «Канцлер Шерлок Холмс» – в «Бильд Цайтунг» или же передовица «Таймс» – «Канцлер находит убитую девушку». И это только те, что я помню. Датские газеты, разумеется, также поспешили отдать этой теме должное, а CNN вчера вечером пустила соответствующий сюжет в разделе «Горячие новости». Если желаешь, могу подробно изложить.

– Боже упаси, этого и так больше чем достаточно.

– Стало быть, твой коллега был прав. Черт, снова не вспомню его фамилию! У меня вообще с именами плохо – напрочь забываю. Он так и сказал, что ты будешь отнюдь не в восторге от всего этого. Что, не жалуешь прессу? – Да нет, отчего же – если говорить о прессе вообще. Вот что касается криминальных репортажей, их я действительно не люблю.

– Но ведь именно СМИ сделали тебя знаменитым.

– Знаменитым? Что за чушь?! Вовсе я не знаменитый.

– Ну, известный.

– Кончай эту чепуху, никакой я не известный и не знаменитый.

В подтверждение своих слов Конрад Симонсен даже топнул ногой по льду – и, поскользнувшись, едва не упал навзничь.

– Ладно, как скажешь, однако так или иначе, но, по крайней мере, в Германии тебя, по-видимому, недолюбливают, поскольку именно фрау канцлер настояла на том, чтобы выдернуть тебя из отпуска под теплым карибским солнышком и зашвырнуть в этот холодильник.

– Да брось ты, даже слушать тебя не хочу.

– Как скажешь, как скажешь. Известные личности всегда правы.

Странное дело, но Конраду Симонсену даже нравилось, что собеседник так шутливо его поддразнивает. Быть может, потому что стоило этому маленькому человечку раскрыть рот, как от него так и веяло дружелюбием. Кроме того, что скрывать, главный инспектор чувствовал себя слегка польщенным.

– Ладно, заткнись.

Они помолчали. Даже не глядя на гренландца, Конрад Симонсен был уверен, что тот ухмыляется сейчас от уха до уха – его выдавало насмешливое хмыканье.

– Я так понимаю, что ты уже имел возможность увидеть ее.

– Ну да, вчера, как я и говорил. Нам же надо было самим убедиться, с чем именно мы имеем дело. Но я лишь взглянул на тело да вот еще ограждение здесь установил – только и всего.

Он кивнул в сторону работающих возле трупа экспертов. Там действительно красовалось ограждение в форме неровного круга, состоящее из забитых в лед металлических штырей, соединенных обычной в таких случаях красно-белой пластиковой лентой.

– Последнее, кстати, заняло около получаса – лед уж больно твердый. Вообще-то все это, мягко говоря, ни к чему, но – что поделаешь? – я получил четкий приказ поставить ограждение.

– Она гренландка?

Веселость собеседника как рукой сняло; ответ прозвучал довольно резко:

– А что, есть какая-то разница? Почему ты спрашиваешь?

– С точки зрения серьезности преступления – разумеется, никакой, и вместе с тем огромная разница, что касается юрисдикции и вопросов распределения функций руководства ходом

расследования. Кроме того, мне трудно понять, какой помощи ждут от меня, коль скоро речь идет об убийстве местной жительницы из совершенно незнакомой мне среды.

– Нет, она не гренландка, а датчанка. А что касается юрисдикции – то тут можешь не волноваться. Считаю себя руководителем расследования, каковым, впрочем, ты и так являешься, поскольку все заинтересованные стороны сошлись на твоей кандидатуре.

– Все стороны? А что, разве их больше двух?

– Три. Сторон три, и, как я уже сказал, на твой счет между ними не было ни малейших разногласий.

– Что, неужели еще и американцы?

– Я думал, ты сначала захочешь посмотреть на нее, а уж потом обсудить все разом.

– Да я и сам вовсе не против ее осмотреть, и, кажется, если повезет, совсем скоро у меня появится такая возможность. Похоже, первая фаза подходит к завершению.

Конрад Симонсен чисто машинально вновь достал сигареты и тут же подумал, что по большому счету фактически продолжает жить так же, как и жил, правда, теперь к тому же мучаясь угрызениями совести, что еще никому не добавляло здоровья. Смутившись, он сунул пачку обратно в карман. Чуть погодя к ним подошла одна из сотрудниц экспертной группы – датчанка, которая передвигалась довольно странно, с усилием, как будто тщательно рассчитывая каждый свой последующий шаг. Казалось, она пытается сделать максимальное количество шагов, не ступая на свой прежний оставшийся на снегу след, чтобы победить в субботнем розыгрыше лото. Конраду Симонсену она была незнакома.

– Мы уже заканчиваем. Пора будить Арне Педерсена, да, и будьте осторожней – там жутко скользко.

Она махнула рукой в сторону места преступления. Тронд Эгед кивком поблагодарил ее – он будет осторожен. Конрад Симонсен подумал, что скользко здесь везде, и благодарить не стал.

Глава 2

Женщина стояла на коленях в ледяной купели – вырубленной во льду яме – совсем как в небольшой ванне. Она была полураздета: из всей одежды на ней сохранились лишь трусики да разорванная спереди легкая маечка, едва прикрывавшая обнаженную грудь. Лодыжки были туго стянуты серым скотчем, им же убийца наглухо примотал запястья жертвы к ее бедрам. Длинные распущенные черные волосы женщины достигали середины спины. На голову был надет завязанный узлом на шее пластиковый пакет. Распахнутый в немом крике рот с грубо измазанными ярко-красной помадой губами, а также неестественно выпученные, чуть не вылезшие из орбит глаза несчастной ясно свидетельствовали о том, что смерть ей выпала не из легких. Она была спортивного телосложения и на вид никак не старше 25 лет. Ручейки талой воды стекали в тесную ледяную могилу, вмещающую окоченевшее тело и по-прежнему вмёрзшие в материковый лед от коленей до ступней ноги. Справа от ямы кучей была свалена остальная одежда убитой: брюки, куртка, а также искусно связанная шерстяная шапочка с преобладанием трех цветов – голубого, лилового и зеленого. Конрад Симонсен почувствовал, как его потихоньку начинает мутить.

Приблизившиеся к импровизированной могиле трое мужчин действовали неторопливо. Арне Педерсен и Конрад Симонсен принялись медленно огибать ледяную яму, изредка поглядывая на женщину, лицо которой приходилось вровень с их ногами. Полицейский-гренландец остался стоять чуть поодаль. Никто из них при этом не произнес ни слова, как будто каждый боялся нарушить концентрацию внимания коллег. Чуть в стороне зябко переминалась с ноги на ногу позвавшая их к трупу женщина-эксперт. Трое ее спутников давно уже ушли греться в самолет. Наконец и ее терпение лопнуло.

– Вам чем-то помочь? Если нет, то пойду в самолет и выпью чашку кофе, прежде чем мы приступим к процедуре извлечения тела, – сказала она.

Вопрос был обращен главным образом к Конраду Симонсену. Однако вид у него был настолько отсутствующий, что за своего непосредственного начальника предпочел ответить Арне Педерсен:

- А эта яма, в которой она находится, естественного происхождения?
- Как считает мой гренландский коллега, нет.
- То есть кто-то специально вырубил углубление во льду?
- Мой гренландский коллега придерживается именно такого мнения.
- А почему оно подтаяло?

Женщина замялась.

- Не знаю, думаю, виной всему глобальное потепление.
- Но почему именно здесь, где она захоронена?

Эксперт беспомощно развела руками и пожала плечами. За нее ответил Тронд Эгед:

– Поблизости есть еще несколько участков таяния, хотя это и не вполне закономерно. Вообще-то лед здесь твердый, чуть более рыхлым он становится ближе к побережью. Никакого четкого объяснения, почему она оказалась именно в том месте, где лед подтаял, нет, так что это, по-видимому, следует приписать случайности. Что же касается того, вырубил ли кто-то эту могилу во льду, то вы вполне можете верить ее гренландскому коллеге. Дело в том, что он также и мой коллега, и коль скоро дело касается льдов, он знает, что говорит.

В подтверждение его слов эксперт кивнула и добавила:

- Вот именно.

Сердито зыркнув на женщину, Конрад Симонсен отослал ее в самолет греться, проигнорировав удивленный взгляд Арне Педерсена и его последующий вопрос:

– Чего ты рычишь на нее, Симон? Вроде никаких особых причин для этого нет, да и я с ней еще не закончил.

Так и не дождавшись от шефа никакого ответа, Арне решил поискать объяснения в другом месте. Бросив быстрый взгляд на труп, он сказал:

– Да уж, что тут скажешь, зрелище, конечно, не из приятных. Кроме того, абсолютно непонятно, с чего нам начинать. Даже сам вопрос о том, как она сюда попала, не укладывается ни в какие мои фантазии. Многие сотни километров до ближайшего населенного пункта, как говорится, посреди полной пустоты. Похоже на классическую загадку с запертой комнатой, только наоборот – я имею в виду, что здесь-то как раз слишком много открытого пространства.

– Я знаю, кто она и как сюда попала.

Арне Педерсен с изумлением воззрелся на Тронда Эгед.

– И ты только сейчас говоришь об этом?

– Мне казалось, вы не хотели иметь никакой информации, пока сами не увидите ее.

– Это только у шефа такие причуды. Что касается меня, то я предпочитаю как можно скорее ознакомиться со всеми имеющимися в наличии фактами. Ну, да ты этого не мог знать. Ладно, валяй, а мы послушаем.

Конрад Симонсен предостерегающе поднял руку и остановил их.

– Чуть позже. Мне нужно еще немного времени.

Арне Педерсен даже не попытался скрыть свое волнение:

– Что-то не так, Симон?

– Я ведь уже сказал тебе, дай мне еще минуту. Неужели это так трудно понять?

Любой другой на его месте пошел бы на попятный, но только не Арне Педерсен. Не обращая внимания на раздраженный тон начальника, он уверенно продолжал:

– Нет, понять это нетрудно. Равно как и то, что я хочу разобраться, что, собственно говоря, с тобой происходит. Ну, так что? Тебе нехорошо?

До Конрада Симонсена наконец-то дошло, в чем тут дело. Не оставалось никаких сомнений, что Графиня или же его дочь Анна Мия – а может и обе они – обсуждают у него за спиной состояние его здоровья. Графиня принадлежала к числу его ближайших сотрудников. Ее настоящее имя было Натали фон Розен, но все предпочитали называть ее Графиней. Все, за исключением его дочери, которая настойчиво звала ее по имени. Быть может, отношения, связывавшие Симонсена с Графиней, были не только деловыми, но и любовными, – он сам так до конца и не мог этого понять. Или, скорее, оба они никак не могли разобраться в данном вопросе.

Вообще-то ничего удивительного в том, что близкие информируют сотрудников о его здоровье, не было. Во время последних нескольких консультаций лечащий врач не скрывал, что настроен отнюдь не оптимистично. Особенно когда Симонсен посетил его на прошлой неделе.

Главный инспектор пояснил:

– Ну да, мне как-то не по себе. Но ты не переживай – здоровье тут ни при чем.

С этими словами он повернулся и хотел было уйти, однако не успел ступить и шага, как Арне Педерсен преградил ему дорогу и посмотрел прямо в глаза. Так они и простояли некоторое время, показавшееся Конраду Симонсену целой вечностью, пока наконец Арне не сделал шаг в сторону, освобождая путь.

Когда Конрад Симонсен окончательно пришел в себя и сделал знак, что готов слушать, гренландский полицейский извлек из внутреннего кармана блокнот, снял одну перчатку и принялся перелистывать свои записи.

– Зовут ее Мариан Нюгор. По образованию она – медсестра и работала на ныне ликвидированной американской военной базе в Сёндре Стрёмфьорде, куда попала при посредничестве датской фирмы «Гринланд Контракторс», занимающейся наймом на работу датских специали-

стов для нужд американских войск на Гренландии. Насколько мне известно, между Данией и США действует соответствующее межправительственное соглашение, где говорится, что весь гражданский персонал на базах в Туле и Сёндре Стрёмфьорде должен состоять исключительно из датских граждан. Правда, в данном вопросе не стоит ловить меня на слове, ибо вполне могут существовать некие не известные мне исключения. Как бы там ни было, однако Мариан Нюгор занимала должность медсестры с января 1982 года вплоть до своего исчезновения 13 сентября 1983 года.

– В 1983 году? Так она пролежала здесь уже 25 лет? – с трудом сдерживая изумление, воскликнул Конрад Симонсен.

Прекрасно знавший его Арне Педерсен по голосу отметил, что начальник еще не совсем оправился, и что-то его серьезно тревожит. На вопрос же ответил их гренландский коллега:

– Да, верно, и если бы не изменение климата, вполне могла бы пролежать еще пару тысяч лет, пока однажды ее не унесло бы в море с каким-нибудь отколовшимся айсбергом.

Конрад Симонсен продолжил:

– А сколько ей было?

– На момент убийства ей было 23 года, однако, кроме этого, мне о ней мало что известно. Я разговаривал с полковником, командующим базой ВВС в Туле, – кстати, я хорошо его знаю и не раз уже пересекался с ним по работе, – и он пообещал мне раздобыть все необходимые сведения как можно скорее, а это значит действительно очень быстро. Ну, то есть настолько, насколько ему удастся сделать все, избегая контактов с печально известной американской военной бюрократией. В противном случае расследование дела рискует затянуться на долгие годы, однако, слава богу, пока что нет никаких поводов опасаться этого.

– Ты имеешь в виду, что пока в деле не фигурирует никто из американских военнослужащих?

– Точно, и как мне кажется, таковых и не будет.

– А как далеко отсюда находилась эта самая база в Сёндре Стрёмфьорде? – вступил в беседу Арне Педерсен. – Находится – она до сих пор действующая, только американцев там больше нет. Если округлить, то она где-то в трехстах километрах к юго-западу отсюда.

– Так почему же девушка оказалась здесь?

– Этому также есть объяснение, однако, быть может, сначала вам захочется взглянуть на кое-какие ее фотографии?

Не дожидаясь ответа, он развернул вложенный в конец блокнота лист формата А4.

– Полковник прислал их мне сегодня ночью из Туле – не знаю, получил ли он их из США или извлек из собственного архива. Они хранились в целях опознания, если пропавшая когда-нибудь будет найдена. Стандартная процедура в случае, когда кто-то исчезает.

Арне Педерсен вновь перебил его:

– И часто здесь исчезают?

– Да, к сожалению, такое иногда случается, особенно зимой. Гренландия вообще-то немаленькая, а в некоторых ситуациях можно уйти даже совсем недалеко и заблудиться, и вовсе не факт, что тебя когда-нибудь вновь отыщут.

Склонившись над листом, члены следственной бригады принялись рассматривать фотографии. Сверху был портретный снимок весело улыбающейся молодой женщины, в котором практически отсутствовало какое-либо сходство с проглядывающими сквозь пластиковый пакет искаженными мукой чертами лица жертвы, если не считать ее длинных черных волос. Вторая фотография была сделана летом: та же самая женщина гордо держала в обеих руках свою добычу – форель. Снимок был сделан, несомненно, с юмором, поскольку рыбу такого размера вполне можно было бы держать и одной рукой. Прясть волос женщины, подхваченная порывом ветра, развевалась, как струйка дыма из коптильни.

Конрад Симонсен с особой тщательностью изучил последнюю фотографию. Покончив с этим, он грустно кивнул и спросил:

– Так что же все-таки ее сюда занесло?

– Ее работа. Вам когда-нибудь приходилось слышать хоть что-то о станциях DYE?

Датчане дружно покачали головами.

– Это были своего рода вспомогательные радиолокационные станции, относящиеся к базе в Сёндре Стрёмфьорде. Всего их было пять, и назывались они просто: от DYE-1 до DYE-5. Три из них принадлежали к числу самых уединенных в мире мест, где проживали люди, поскольку от них до ближайших поселений было несколько сотен километров пути. Все эти пять точек были построены в начале 60-х годов как часть американской системы оповещения о ядерных ударах. Они представляли собой своего рода звено в пролежавшей от Аляски через Канаду до Исландии цепи радарных станций, созданной США в целях скорейшего оповещения о появлении русских бомбардировщиков, а позже – межконтинентальных ракет. Четыре первых станции DYE были расположены практически по линии Северного Полярного круга: DYE-1 – на западном побережье вблизи Сисимиута, DYE-2 и DYE-3 – на материковом ледяном щите и DYE-4 на западном берегу близ Аммассалика ⁶. DYE-5 – а это как раз наш случай – стояла здесь особняком, поскольку находилась гораздо севернее прочих станций и, как я уже говорил, в 300 километрах от основной базы в Сёндре Стрёмфьорде. Не имею ни малейшего понятия, почему DYE-5 была построена не на одной линии с остальными. Может, если бы я был инженером по радарным установкам, то смог бы предложить какое-то логичное объяснение, а может, все это военная тайна. Кто знает...

– Какой величины была станция? – поинтересовался Конрад Симонсен.

– Площадь она занимала не очень большую, зато была высокой. Когда вернемся в Нуук, я покажу фотографии. Одно скажу точно – особой красотой она не блистала.

– А что означает название станций – «DYE»?

– Мне представляется, что оно происходит от названия канадского городка Cape Dyer на восточном побережье Баффиновой Земли у Девисова пролива – этот населенный пункт также входил в систему радаров. Однако полной уверенности в такой этимологии у меня нет. Как бы там ни было, но все пять станций DYE к концу 80-х годов перестали функционировать. Технологии устарели – ракеты русских теперь стало куда более удобно отслеживать с помощью спутников. Первой прикрыли как раз ту, где мы с вами находимся – DYE-5, – причем в отличие от остальных ее уничтожили полностью. Относительно этого из Копенгагена даже пришло соответствующее решение, выработанное где-то в высоких кабинетах – чтобы, дескать, не наносить ущерб природе Гренландии. Американцы должны были прибраться за собой, в чем они – как вы можете или, скорее, не можете заметить – изрядно преуспели. Позже органы самоуправления острова отменили данное решение, так что прочие станции в той или иной степени сохранились, и две из них даже используются в качестве мест ночевки разными исследователями климата во время экспедиций внутрь материковых льдов. – А персонал на этих станциях составляли исключительно датчане?

– Часть персонала – в соответствии с договором между Вашингтоном и Копенгагеном о создании военных баз. Вообще-то состав был смешанным, однако начальниками станций и операторами радаров всегда были американцы. – А те датчане, что работали здесь, проходили проверку со стороны органов безопасности?

– Да, конечно, хотя, по-видимому, она проводилась не особо тщательно. Об этом остается только догадываться – исходя из всех слышанных мною историй о здешних сотрудниках. Вне всяких сомнений, среди них попадались весьма специфические типы, которым, казалось бы, вовсе не место вблизи сверхсекретных установок. По-видимому, считалось, что утечка све-

⁶ Сисимиут, Аммассалик – поселения на западном и восточном побережьях Гренландии.

дений отсюда просто физически невозможна. Американцев тоже было в чем упрекнуть, но только не в подрыве национальной безопасности. В том числе и в разгар холодной войны.

Конрад Симонсен демонстрировал всем своим видом полное понимание, хотя, признаться честно, довольно слабо представлял себе, о чем именно идет речь. Он спросил:

– Сколько всего народу здесь было? Я имею в виду – сколько человек обслуживает такого рода станцию? – На разных станциях дело обстоит по-разному. На DYE-5 работало двенадцать датчан с контрактами по шесть месяцев. Затем вместо них должна была прибывать новая команда, однако, как правило, нередко все сводилось к взаимозамене с теми из персонала другой станции, чьи контракты также истекли. Это, кстати, одна из причин, почему у многих работников в той или иной степени появлялись разного рода странности. Ведь некоторые, таким образом, годами пребывали в окружении вечных льдов. Зарабатывали они здесь весьма прилично, а тратить деньги было практически не на что. Так что, когда они наконец возвращались к цивилизации, часто это кончалось весьма плачевно.

– И что, Мариан Ньюгор тоже принадлежала к их числу?

В вопросе Арне Педерсена прозвучало сомнение. Довольно трудно было представить себе молодую красивую женщину, на целых шесть месяцев изолированную от внешнего мира в компании с одиннадцатью мужчинами.

– Нет-нет, все совсем не так. Здесь были только мужчины, однако в американской армии существует масса дурацких правил – здесь я цитирую самого полковника, который наверняка знал, о чем говорил. Так вот, одним из этих правил было, что раз в год все медицинское оборудование должно проходить контроль врача либо медсестры, и, должен сказать, это положение соблюдалось неукоснительно. Таким образом, 13 сентября 1983 года Мариан Ньюгор прибыла сюда с соответствующей медицинской инспекцией. Сама работа заняла у нее всего пару часов и вообще-то не предполагала никаких контактов со здешними представителями противоположного пола. И вот в какой-то момент выяснилось, что она пропала, и, сколько потом ни искали, никто так и не смог ее найти. В конце концов поисковым вертолетам так и пришлось вернуться без нее.

Конрад Симонсен перебил его:

– А в какое время дня это случилось? Я имею в виду, было уже темно?

– Насчет времени я не в курсе, но, думаю, когда мы вернемся в Нуук, нас там уже будет поджидать подробный отчет обо всех обстоятельствах ее исчезновения. Мои люди уже над этим работают, да и в Туле, насколько мне известно, тоже. Американцы также обещали мне список тех, кто находился на DYE-5 в то время.

– Такой список мне бы весьма пригодился.

– Ты его получишь. Ну, вот вроде бы и все рассказал. На следующий день с базы прислали внушительные силы, чтобы прочесать местность и найти ее, однако все оказалось напрасно, и теперь совершенно ясно почему. Она могла лежать в своей могиле в ста метрах от станции, и у них не было ни единого шанса ее найти. Думаю, впоследствии ее официально объявили мертвой, однако в настоящий момент не располагаю никакими подтверждениями на этот счет.

– Ты знаешь, как именно расположена ее могила относительно прежней станции?

– К сожалению, нет. Вчера мы потратили несколько часов на поиски остатков DYE, однако безрезультатно. Американцы, когда захотят, работать умеют, так что вовсе не обязательно, что мы сможем отыскать точное место расположения станции. Хотя завтра с утра я и собирался заняться этим и даже привлечь еще больше народу – если, разумеется, ты не возражаешь.

Последнее замечание относилось к Конраду Симонсену. – Конечно же, я только «за», и должен отметить, что полиция Нуука проделала огромный объем работы. Просто удивительно, как много вам удалось нарыть за такое короткое время.

Тронд Эггеде выслушал похвалу с довольной улыбкой. Затем он посмотрел на мертвую девушку и, разом посерьезнев, сказал:

– В свое время мне приходилось не раз сталкиваться с жертвами убийств, однако при виде этого трупа я, признаться, испугался – у меня даже мурашки по спине побежали. Похоже, ты тоже не в восторге от него. Ты ведь поэтому отходил?

Конрад Симонсен недовольно нахмурился:

– К сожалению, не совсем по этой причине. Однако – ты прав, пора заняться осмотром тела. Арне, ты ведь помоложе – так, может, слазишь к ней? Мне нужно, чтобы ты осмотрел ее ногти и рассказал нам, как именно они острижены.

Когда он заговорил о ногтях, оба его собеседника невольно посмотрели на руки женщины, однако с того места, где они стояли, ничего толком видно не было. Пока Арне Педерсен сползал в яму к трупу, гренландец и Конрад Симонсен придерживали его за руки. Очутившись внизу, инспектор наклонился сначала к одной привязанной к бедру руке женщины, затем продолжал то же самое с другой стороны и лишь после этого доложил:

– Она не сама их стригла – ни одна женщина так не искромсает собственные ногти. Такое впечатление, что их резали портновскими ножницами, причем в спешке и неровно. Но как ты догадался?.. О, нет, Симон!

Полицейский-гренландец, похоже, тоже все понял и грустно уставился в лед у себя под ногами. Тем не менее Конрад Симонсен все же счел должным ответить:

– Потому что, к сожалению, я уже во второй раз вижу молодую женщину, с которой обошлись столь отвратительно.

Глава 3

Погода в Копенгагене в конце лета была крайне неустойчивой. Короткие злые ливни со шквалистым ветром сменялись периодами затишья, когда яркое солнце за считанные минуты высушивало улицы, выманивая народ подышать свежим воздухом. Но стоило лишь выйти за дверь, как очередной налетевший неизвестно откуда шквал снова загонял людей под крышу; те же, кто не смог сразу найти укрытие, оказывались во власти хлещущих струй и моментально промокали до нитки. Сезон отпусков шел на убыль, однако на улицах все еще можно было встретить множество туристов, узнать которых не составляло труда по расслабленной прогулочной походке и слегка небрежной одежде.

Стоя у окна своего кабинета в здании префектуры полиции Копенгагена, Конрад Симонсен всерьез размышлял о том, не началась ли у него депрессия. Прошло двое суток с тех пор, как главный инспектор стоял на ледяном панцире Гренландии, созерцая покоящийся в нем труп Мариан Нюгор, и с того времени он чувствовал, что никак не может отойти. Впервые за всю его долгую карьеру убийство подействовало на него столь угнетающе, что у него никак не получалось заставить себя сосредоточиться исключительно на его раскрытии. Ситуацию не улучшало даже то, что он прекрасно понимал: нынешнее его настроение, как это ни прискорбно, связано с другим убийством, все обстоятельства которого теперь необходимо будет пересмотреть и оценить заново. Раз за разом он повторял себе, что подобная реакция является только лишним подтверждением его психического здоровья и доказывает, что он еще не окончательно отупел в эмоциональном плане. Но и это не помогало. Фактически ему лишь с превеликим трудом удавалось заставить себя отвлечься от всего этого и заниматься ежедневной работой. Вдобавок сказывалось и плохое самочувствие, игнорировать которое становилось все сложнее и сложнее. В последние несколько дней Симонсена постоянно преследовали зуд и ломота в ногах, он перестал считать выкуренные сигареты; единственное, что ему еще, удавалось, так это с грехом пополам соблюдать диету.

В довершение всех неприятностей нынешней ночью ему так и не удалось уснуть. Голова раскалывалась от мыслей вплоть до того самого момента, когда первые птичьи голоса наступающего дня исполнили шуточный гимн его бессоннице. Но что было хуже всего – сколько он ни пытался, ему никак не удавалось удобно пристроить ноющие ноги. За утро он несколько раз давал себе торжественные обещания записаться на прием к ведомственному психологу, однако, конечно, так этого и не сделал. Как, впрочем, и многого другого, в отношении чего за последнее время неоднократно принимал твердые решения, которые так и не выполнял. Угрызения совести Симонсен давно уже привык откладывать на потом – авось все как-нибудь само собой рассосется.

– Позвонить и сказать, что ты задерживаешься?

В голосе Графини, сидевшей у него за спиной и время от времени бросавшей на него тревожные взгляды, чувствовалась ласковая озабоченность. Главный инспектор ощущал запах ее духов – совсем такой же, как и она сама: свежий, вселяющий оптимизм и настраивающий на позитивный лад. Себя же между тем он чувствовал чем-то вроде корма для рыб. Так и не дождавшись от него ответа, Графиня продолжила:

– Мы вполне могли бы перенести начало на полчаса – ничего страшного в этом не будет. Ведь не горит же, в самом-то деле?!

– Ничего страшного, пусть, черт возьми, подождут, – злобно прорычал Конрад Симонсен.

– Тоже верно, пусть подождут, им это только на пользу пойдет.

– И что им вздумалось поднимать такую шумиху? Чушь какая-то. Ведь с самого начала все задумывалось как простое совещание. Как тут прикажешь работать, когда все кому не лень постоянно являются ко мне с разными дурацкими проверками?!

– Что ж, ты прав – это абсолютно недопустимо.

– Да прекрати ты мне поддакивать! Неужели у самой нет никаких оригинальных мыслей на этот счет?

Наступило тягостное молчание. Вовсе ни к чему ему сейчас все эти приторные охи и вздохи – от них лишь острее чувствуешь жалость к самому себе. Внутри у Симонсена все так и кипело от с трудом сдерживаемой ярости из-за полного непонимания, которое, казалось бы, демонстрируют все вокруг. Он на миг зажмурился и усилием воли взял себя в руки.

– Прости, Графиня. Я не хотел тебя обидеть.

– Все в порядке, знаю. Кроме того, я ведь не какая-то там кисейная барышня.

Умение не ссориться по пустякам относилось к числу ее неоспоримых достоинств. В противном случае все их отношения уже давным-давно бы расстроились. А так они развивались – медленно, осторожно, как у тринадцатилетних подростков, постепенно притирающихся друг к другу. Маленький шажок навстречу, за ним еще один, еще, и так постоянно.

– Не знаю, сколько раз за последние четыре дня мне приходилось это говорить, – сокрушенно сказал Конрад Симонсен. – Прости, извини, не обижайся! Скоро я готов буду каяться перед каждым, с кем довелось общаться. Вам самим это уже, наверно, противно слышать.

– Не забивай этим голову, Симон. Постарайся сосредоточиться и прийти в себя. Я звоню и говорю, что ты задерживаешься.

Он не стал спорить, тем более что поступить так в сложившейся ситуации было, по-видимому, правильное всего. Когда Графиня положила трубку, он вернулся к теме прибывших с проверкой незваных гостей.

– А из МИДа кто там приехал?

– Какая-то шишка – насколько мне известно, директор некоего департамента. Не знаю – а точнее, не помню, – как там его по имени. Ходят слухи, что в аппарате начальника Главного управления полиции весьма всем этим недовольны. Присутствие этого субъекта расценивают там как недопустимое вмешательство, однако кто-то, по-видимому, сумел их урезонить.

– Н-да, вообще-то мне это тоже кажется странным. На каком основании он лезет в наше дело? Или все опять-таки упирается в историю с канцлером? Да нет, не верю, этого попросту не может быть.

– Все гадают – ведь здесь замешаны и немцы, и американцы, и гренландцы, – но в точности никто ничего не знает.

– Может, попытаешься разобраться во всем этом, Графиня? Хотелось бы все же знать, что происходит в рамках порученного мне расследования.

– Ладно, обязательно.

Внезапно Конрад Симонсен улыбнулся – впервые за сегодняшний день.

– Вчера ведь я тебя просил о том же самом? – почти весело сказал он.

– Если распоряжение было бы разумно, его не стоило бы повторять.

Оба рассмеялись, что порядком разрядило атмосферу. Главный инспектор тяжело плюхнулся в свое кресло.

– Ты ведь прекрасно знаешь, во что все это в конечном итоге вскоре упрется?!

– Все мы, разумеется, читали материалы дела об убийстве в районе Стевнс Клинт, и никто не сомневается, что всех тех, кто участвовал в том расследовании – в том числе и тебя, – это, по-видимому, здорово задевает.

– Да уж, будь уверена.

– Но ведь случаются же ошибки – все-таки все мы люди, а не боги.

– «Собака»! Хорошо еще, она *псом* тогда меня не обозвала.

– Не знаю, о чем разговор, но ты меня всерьез пугаешь. Если ты не в состоянии присутствовать на совещании, мы вполне можем тебя подменить – я или Арне.

– Нет, попытаюсь сам со всем этим справиться. Так будет лучше.

– Может быть.

– На самом деле я отчаянно боюсь того, что может случиться, если я сдамся и выброшу полотенце на ринг.

– Пойми, Симон, жизнь – это не боксерский поединок. Надо бережней относиться к себе. Есть вещи, с которыми в одиночку не справиться. Следует прибегнуть к помощи, профессиональной помощи.

– Сам прекрасно знаю. Скажи-ка лучше, что ты собираешься делать во второй половине дня?

– Зависит от того, что ты собираешься мне поручить.

– Не против проехаться со мной и навестить одну женщину, муж которой покончил с собой в 1998 году?

Графиня ответила не сразу, но Конрад Симонсен и не думал ее торопить. Наконец, спустя некоторое время, она снова заговорила:

– Хочешь сообщить ей, что вы тогда ошибались?

– Что *я* ошибался.

– Что ты *и масса всех прочих* ошибались?

– Она все это время верила в своего мужа, ни на секунду не сомневалась в его невинности, а меня просто назвала собакой. Представь себе – самое сильное выражение, которое она себе позволила, несмотря на то, что именно я сломал ей жизнь, вернее, уничтожил то, что от этой жизни оставалось после того, как над ее дочерью зверски надругались, а потом задушили.

– Ты считаешь, ехать к ней – хорошая идея?

– Я долго над этим размышлял и полагаю, что да. Кроме всего прочего, это самое меньшее, что я могу для нее сделать, – ведь именно благодаря мне был осужден невинный человек.

– Но ведь он не был осужден.

– Нет, был – улики ясно свидетельствовали против него.

– Да, но до суда так и не дошло.

– Самоубийство не лучше. Какой кошмар он, должно быть, пережил!

– Я съезжу к ней с тобой. Вы условились о встрече?

– Да, мы должны быть в Хаслеве к четверем.

– Но учти, если что-то пойдет не так, я сейчас же увезу тебя, как бы ты там ни вопил и ни хныкал. Предупреждаю заранее. Можешь не сомневаться, если возникнет необходимость, я так и сделаю.

Симонсен лишь слегка пожал плечами и попросил:

– Сделаешь для меня еще кое-что? Я тут договорился встретиться сегодня вечером в Хойе Тострупе ⁷ с... с одной женщиной. Можешь позвонить и отменить нашу встречу? А я пока схожу ополосну лицо.

Графиня благосклонно кивнула. Нацарапав на листке номер телефона, комиссар протянул его Натали.

– Спасибо! Спускаемся через пять минут.

С этими словами он ушел; Графиня сняла трубку телефона. Она прекрасно знала, кому именно ей предстоит звонить. Склонность Конрада Симонсена время от времени обсуждать свои дела с некой пожилой ясновидящей из Хойе Тострупа была, пожалуй, одной из наименее охраняемых тайн их убойного отдела, хотя перед шефом все сотрудники неизменно делали вид, будто им ничего неизвестно. Что касается самой Графини, то хотя она и не имела никаких предубеждений по отношению к так называемым ясновидящим, однако ее немало испугала та форма, которую приняла телефонная беседа. *Вцепись в Стину Хансена, Баронесса, и ни в коем случае его не отпускай. Прилипни к нему как репей и ни за что не дай себя стряхнуть.*

⁷ Хойе Тоструп – квартал города Тоструп, расположенного вблизи Копенгагена.

Это вопрос жизни и смерти. Во что бы то ни стало, Баронесса, во что бы то ни стало. Нет ничего важнее этого.

Без всяких дополнительных уточнений или пояснений – одно лишь настоятельное указание. Повторенное, как крик о помощи, дважды, трижды, пять раз – она не помнила, сколько точно, – сухим хрипловатым голосом, и продолжавшее звучать эхом даже после того, как Графиня, окончательно сбита с толку, пообещала выполнить то, что от нее требуют. А это обращение – *Баронесса!* Какое-то неприятное, прямо-таки зловещее, что ли?! Она на некоторое время задумалась, с отсутствующим видом глядя куда-то вдаль, и наконец приняла решение. Во-первых, ничего не рассказывать Конраду Симонсену о состоявшемся разговоре – у него и без того проблем хватает, – и во-вторых, тоже пойти ополоснуть лицо.

Тем не менее, когда они уже шли по коридору в направлении зала заседаний, обоих как будто прорвало. Может, они слишком торопились, выходя из кабинета, и потому не успели обсудить все вопросы, и вот теперь, когда представилась такая возможность, пытались наверстать упущенное. Конрад Симонсен осторожно начал:

– Черт возьми, боюсь, как бы не расплакаться, когда начну рассказывать о ней. Хнычущий начальник убойного отдела – то еще зрелище.

– А что, если тебе ограничиться лишь предысторией, а продолжит уже Арне? Я же ясно вижу, тебе просто необходимо отдохнуть.

– Хорошо, так и решим.

Быстрое согласие шефа было настолько неожиданным, что Графиня даже поперхнулась – выходит, зря она старалась, заранее придумывая аргументы в защиту своего предложения.

Они прошли мимо уборщицы, которая старательно снимала с потолка паутину пестрой щеткой, насаженной на длинную бамбуковую палку. Поравнявшись с ней, они, не договариваясь, дружно умолкли. Женщина мельком улыбнулась им, не отрывая взгляда от потолка и делая свою работу. Когда они отошли настолько, что она уже не могла их слышать, Графиня продолжила:

– Кроме того, полагаю, тебе стоит подумать о том, чтобы на недельку переехать ко мне. Мне кажется, тебе это сейчас совсем не повредит.

Предложение было неожиданным. Вроде бы настолько далеко они еще не продвинулись. По крайней мере, до сих пор им обоим так казалось. И тем не менее Конрад Симонсен даже не сбавил скорости, отозвавшись:

– Что ж, охотно.

Подчас жизнь гораздо проще, чем мы пытаемся представить ее себе. Мягко положив руку на плечо спутника, Графиня остановила его. Прежде они никогда не целовались на работе, да и вне ее это случалось не так уж часто. Однако сейчас это произошло. Поцелуй вышел в высшей степени добропорядочным: на подобающем расстоянии, вытянутыми в трубочку губами – совсем как в каком-то водевиле.

Глава 4

Первое общее собрание следственной группы проходило в одном из больших конференц-залов префектуры полиции Копенгагена. Место было выбрано не по причине большого количества участников, а из-за наличия в зале специального оборудования – огромного экрана, на котором можно было высвечивать одновременно по две различные фотографии с целью их сравнения. Именно параллельному изучению снимков, сделанных при обследовании мест двух различных убийств женщин, решено было уделить основное внимание на этом утреннем заседании. Этапы дальнейшей работы убойного отдела должны были стать предметом обсуждения гораздо более узкого круга заинтересованных лиц, однако перечень основных мероприятий предстояло определить именно здесь и сейчас. Правда, в самый последний момент интерес к данному заседанию – в форме участия своих представителей – проявили Министерство иностранных дел, а также аппарат начальника Главного управления полиции Дании. Все остальные участники встречи входили в штат отдела убийств; двое из их числа – Полина Берг и Арне Педерсен – были ближайшими сотрудниками Конрада Симонсена. Кроме них, здесь был техник отдела, студент-стажер и по совместительству компьютерный гений, Мальте Боруп, который в данный момент сидел позади всех на высоте второго этажа в операторской кабине и показывал подготовленный им заранее видеоматериал – в основном слайды.

Войдя в зал на двадцать минут позже установленного срока, Конрад Симонсен коротким кивком приветствовал собравшихся. Все разместились на первом и втором рядах, при этом Полина Берг и Арне Педерсен – чуть поодаль от остальных. Графиня опустилась было на свободное место рядом с Арне Педерсеном, однако тут же вновь встала, ибо представитель Министерства иностранных дел, не давая сказать ни слова ее непосредственному начальнику, прямо с порога набросился на него:

– Главный инспектор Симонсен, предлагаю с самого начала договориться, что это – первый и последний раз, когда вы опаздываете на встречу со мной. Надеюсь, вы хорошо меня поняли.

Чиновник был человеком относительно невысокого роста, средних лет и на первый взгляд выглядел довольно безобидно. Учитывая место его работы, можно было сказать, что костюм на нем сидит как-то неуклюже, а волосы нуждаются в укладке. Тем не менее сдержанная угроза, прозвучавшая в его словах, недвусмысленно давала понять – он привык к тому, чтобы все сказанное им выслушивали без каких-либо возражений. Даже несмотря на специфический высокий голос, звучащий чуть ли не по-детски, он производил впечатление человека влиятельного, спорить с которым небезопасно. В пользу этого говорило обращение на «вы», а также то обстоятельство, что выговор главному инспектору был сделан им спокойно, как нечто само собой разумеющееся.

Графиня попыталась было вступить и взять вину за опоздание шефа на себя. Не будучи гадалкой, можно было с легкостью предвидеть, к каким роковым последствиям может привести столкновение их несдержанного начальника с напыщенным бюрократом. Однако в этот момент с совершенно неожиданной стороны явилась помощь в лице секретаря приемной начальника Главного управления полиции – вообще-то, женщины неизменно мягкой и доброжелательной. Тем не менее сейчас голос ее прозвучал резко и агрессивно, и несмотря на то, что она продолжала сидеть неподвижно, адресат ее отповеди был очевиден:

– От имени начальника Главного управления полиции Дании смею заметить, что наш дорогой друг явился сюда в качестве гостя, и если он не потрудится вести себя подобающим образом, то вполне может уматывать восвояси. Последнее выражение является прямой цитатой: мой шеф просил меня употребить данный оборот, извинившись и особо подчеркнув, что, к сожалению, не обучен искусству тонкой дипломатии.

Представитель Министерства иностранных дел поднялся и в мертвой тишине покинул зал, даже не взглянув на показывающего ему с огромного экрана язык Альберта Эйнштейна – это Мальте Боруп, моментально прочувствовав ситуацию, отыскал среди слайдов подходящую к ситуации картинку. Вслед за чиновником удалилась и секретарь, кратко пояснив, что теперь, по-видимому, и ее присутствие вовсе не обязательно.

Когда дверь за ней закрылась, первым заговорил Арне Педерсен:

– Ну и здорово, черт возьми! Теперь мы по крайней мере можем попытаться сделать хоть что-то конструктивное, а все скандалы оставим на потом. Потому что скандал таки будет. Этот пигмей, судя по всему, человек не из последних. Так что, Мальте, готовься – тебе грозит как минимум лет пять депортации.

Конрад Симонсен, так и не проронивший на протяжении всей разыгравшейся сцены ни слова, открыл наконец рот:

– Ладно, не будем терять времени. Мальте, давай первые фотографии. Кстати, если у кого-нибудь будут какие-то разумные соображения, можно свободно высказываться. Нечего разводить всякие там формальности.

Изображения двух мертвых женщин, возникнув на экране, положили конец неожиданной вспышке веселья. Фотографии были отобраны среди множества с таким расчетом, чтобы угол, под которым делался снимок, и расстояние от фотокамеры до объекта в той или иной степени совпадали, что еще больше подчеркивало сходство между обеими жертвами. Конрад Симонсен принялся комментировать:

– Женщина слева – Мариан Нюгор. Она была убита 13 сентября 1983 года на радиолокационной станции DYE-5, построенной в Гренландии на материковом льду, а найдена примерно неделю назад при известных всем вам обстоятельствах. Женщину справа зовут Катерина Томсен. Ее убили 5 апреля 1997 года в районе Норстраннен поблизости от утеса Стевнс Клинт. Тело было обнаружено целых восемь месяцев спустя двумя археологами-любителями, засекшими своим металлодетектором ее ручной браслет. Между обстоятельствами обоих убийств полно совпадений, что дает мне возможность с уверенностью утверждать: мы имеем дело с одним и тем же убийцей. Тем не менее я попросил бы вас внимательно все выслушать и оценить, проявив при этом здоровый скепсис. Каждый из вас прекрасно понимает, к каким фатальным последствиям могут привести неверные выводы.

Все присутствующие продемонстрировали свое полное согласие с начальством, после чего Конрад Симонсен продолжал:

– Руки обеих женщин еще до наступления смерти были накрепко примотаны скотчем к их бедрам чуть выше колен. Щиколотки обеих также связаны скотчем. Из одежды на обеих – лишь трусы и легкие маечки. Как вы видите, грудь у каждой из них обнажена или почти обнажена, так как майки разорваны спереди. По поводу Катерины Томсен нам известно – она носила бюстгальтер, отсутствие которого позволяет сделать вывод, что его сняли. Соответствующей информацией в отношении Мариан Нюгор в настоящий момент мы не располагаем. Ногти обеих женщин, по всей видимости, были острижены убийцей. Обе похоронены сразу же после наступления смерти – Мариан Нюгор во льду, а Катерина Томсен – в гальке в непосредственной близости от побережья так, чтобы ее могила омывалась морскими волнами и тело дольше сохранилось. Губы у обеих перед смертью были густо намазаны огненно-красной помадой. Во рту и горле жертв были найдены волокна ткани, и это свидетельствует о том, что рот им затыкали тряпкой. В случае Катерины Томсен некоторые из найденных волокон содержат следы помады, тогда как другие – нет, в результате чего эксперты сделали вывод, что убийца накрасил ей губы, когда тряпка была у нее во рту. Мы не знаем, обошелся ли убийца подобным же образом и с Мариан Нюгор, поскольку еще не получили отчет о вскрытии, который будет готов лишь через пару дней. Последнее, но отнюдь немаловажное обстоятельство: обе

женщины были задушены с помощью надетого на голову и затянутого на шее узлом пластикового пакета после того, как кляп был вынут у них изо рта.

Конрад Симонсен выдержал краткую паузу. Никто из слушателей не изъявлял желания что-либо сказать; настроение у всех было подавленное. Мальте Боруп, который иллюстрировал рассказ начальника соответствующими крупными планами, вернулся к исходным фотографиям. Комментарий продолжился:

– Кроме того, между этими двумя убийствами существует еще целый ряд сходных черт, а уж случайности ли это или нет – судить вам. Мариан Ньюгор на момент смерти было 23 года, Катерине Томсен – 22. Обе они среднего роста, стройные, можно сказать, спортивного телосложения. У обеих были черные волнистые волосы, доходившие до середины спины, и в обоих случаях в момент обнаружения жертв волосы эти были распущены. Если взглянуть на лица, то и здесь можно обнаружить несомненное сходство. Обеих девушек можно назвать миловидными, с тонкими чертами лица, высокими скулами и карими глазами. Разумеется, существуют и различия – в основном это касается области носа, – тем не менее, не имея возможности подкрепить свои наблюдения объективными данными, я бы сказал, что две эти жертвы внешне весьма похожи между собой.

Арне Педерсен осторожно коснулся руки Полины Берг. В первое мгновение она его не поняла и с досадой оттолкнула руку, однако секундой позже вздрогнула, замерла и на этот раз уже сама потянулась к руке Арне. Конрад Симонсен между тем продолжал:

– Было бы уместным заметить, что если присмотреться внимательней, можно было бы, пожалуй, найти и определенного рода различия, которые, однако, – на мой взгляд – ни в коей мере не отменяют общего разительного сходства.

Никто из немногочисленных, но опытных в подобных делах слушателей не сделал попытки возразить или же оспорить подобное его заявление.

– Если проводить параллели далее, то надо сказать, что ни одна из женщин не была изнасилована, и можно предположить, что, не считая обнаженной груди, ни к одной из них не применялись никакие виды сексуальных домогательств. Из тела Мариан Ньюгор был извлечен неповрежденный впитывающий тампон, а Катерина Томсен являлась девственницей – вероятно, по причине принадлежности к секте Свидетелей Иеговы, члены которой, как известно, не приветствуют физической близости до вступления в официальный брак. Кроме того, на местах обоих преступлений не найдено никаких следов семенной жидкости.

Конрад Симонсен умолк и стал ожидать реакции, которая последовала незамедлительно. Все присутствующие сошлись во мнении, что человек, который в 1983 году осуществил убийство Мариан Ньюгор, почти наверняка четырнадцатью годами позже убил и Катерину Томсен. Главный инспектор перевел дух и перешел к тягостному моменту, о котором с внутренней дрожью размышлял все последние дни. Тщательно подбирая слова, он начал:

– Поверьте, мне будет совсем не просто сказать то, что я собираюсь, и думаю, что некоторые из вас сейчас испытывают то же самое, поскольку также участвовали в расследовании убийства Катерины Томсен. Для тех же, кто незнаком с данным делом, я вкратце суммирую весь ход следствия, а также попытаюсь максимально честно и откровенно – дабы избежать каких-либо кривотолков – рассказать о своей собственной роли в нем.

Все молча закивали. Один пожилой инспектор выудил из кармана солнцезащитные очки и спрятал глаза за парой крошечных зеркальных стекол.

– Для начала стоило бы сказать, что покойный Карл Хеннинг Томсен, водитель фургона фирмы по организации переездов, определенно не был на Гренландии в сентябре 1983 года, ибо в это самое время отбывал срок в тюрьме Вридслёселилле за контрабанду наркотиков. Таким образом, он не убивал Мариан Ньюгор, а следовательно, и собственную дочь Катерину Томсен. Те улики, которые в 1998 году мы собрали против него, были нам попросту подбро-

шены – что, справедливости ради надо сказать, приходило тогда нам в голову, однако так и не было озвучено.

По лицу Конрада Симонсена медленно потекли слезы, однако он твердым голосом продолжал свой рассказ даже тогда, когда брал из рук Полины Берг заботливо протянутый ею платок. И все же, когда на экране появилось изображение мужчины средних лет, чьи печальные и усталые глаза взирали на собравшихся с нездорового, помятого тяготами жизни лица, черты которого явно свидетельствовали о пережитом этим человеком потрясении, главный инспектор не выдержал и отвернулся.

– Супружеская пара Карл Хеннинг и Ингрид Томсены проживали в Хаслеве, где у них была собственная маленькая фирма по организации переездов. Оба они принадлежали к секте Свидетелей Иеговы, равно как и их единственная дочь Катерина, проживавшая отдельно от родителей на Эстербро⁸ в Копенгагене, где она училась на физиотерапевта. В свободное время все члены семьи обходили жилища граждан с целью распространения своей религии; довольно часто родители приезжали к дочери, и они занимались данной миссионерской деятельностью в столице сообща. 5 апреля 1997 года Катерина пропала. Утром она села в поезд, идущий из Копенгагена в Хаслев, и последний раз ее с достаточной степенью определенности видели на станции Роскилле. Мать ее в это время была в отъезде – у своей сестры в Ютландии, а отец утверждал, что Катерина так и не появлялась у них дома. Восемь месяцев спустя труп ее был найден в районе утеса Стевнс Клинт.

Поблагодарив легким кивком Полину Берг, Конрад Симонсен вернул ей носовой платок. Слезы из глаз уже не текли, и он с облегчением отметил, что худшее, видимо, позади.

– Расследование велось крайне интенсивно, и в скором времени было обнаружено множество обстоятельств, свидетельствовавших против отца Катерины. Прежде всего, отпечатки пальцев обеих его рук были найдены на пластиковом пакете, с помощью которого ее задушили, как будто он держал несчастную за голову после того, как натянул на нее орудие убийства. Кроме того, экспертиза установила, что пакет этот был взят из рулона, хранившегося в гараже семейства Томсенов. Далее, в марте 1997 года его видели на побережье вблизи Стевнс Клинт неподалеку от того места, где позднее было найдено тело Катерины. Это обстоятельство он объяснял тем, что получил по телефону ложный заказ на перевозку вещей, и адрес был указан таким образом, что ему надлежало проехать вдоль береговой линии. Прочие совпадения объяснить сколько-нибудь разумным образом он не смог.

Графиня перебила шефа:

– А что с этим заказом, сделанным по телефону? Тот факт, что он вообще имел место, подтвердился или нет?

– Подтвердился, однако звонок был сделан на ретранслятор, в зоне действия которого находится дом Карла Хеннинга, с неустановленного мобильного телефона. Мы допускали, что он мог сам позвонить на собственный номер, однако не сумели напрямую связать его с этим телефоном, равно как и проверить факт якобы состоявшейся беседы. Я понятно излагаю?

– Да-да, но сейчас я почему-то засомневалась в выводах, которые мы тогда сделали, хотя, разумеется, то, о чем ты говоришь, явно свидетельствовало против него.

– К сожалению, да, однако были также и отдельные обстоятельства, которые не укладывались в нашу схему. Во-первых, мы не могли понять, почему отпечатки пальцев отца жертвы остались на пакете, хотя на скотче их найдено не было. Кроме того, данные, снятые со спидометра фургона, свидетельствовали, что в день гибели Катерины Томсен он не мог быть в районе Стевнс Клинт, и, таким образом, нам так и не удалось установить, каким транспортным средством воспользовался обвиняемый, поскольку второй принадлежавший семье автомобиль в то время находился в Ютландии. Далее, мы не могли понять, зачем он обрезал ей ногти. Ногти у

⁸ Эстербро – улица в Копенгагене.

девушки не были длинными, и, согласно показаниям жены, отец семейства никогда по поводу них не высказывался. Есть и прочие неувязки, о которых вы можете прочесть самостоятельно.

Сидевший на первом ряду полицейский прервал его:

– Ты раньше вроде бы говорил, что в 1983 году он сидел за контрабанду наркотиков?

– Верно; если мне не изменяет память, амфетамина и кокаина.

– Стало быть, он занимался преступной деятельностью. И как это вяжется с его принадлежностью к Свидетелям Иеговы? Довольно-таки странное сочетание, не находите?

– В юности он работал шофером-дальнобойщиком и был дважды судим – оба раза за контрабанду наркотиков. Затем он встретил свою будущую супругу и, по собственным словам, обрел спасение. После того, как в 1986 году они поженились, нет никаких данных о его криминальной деятельности.

– Что-то мне непонятно по поводу возраста Катерины Томсен. По-моему, он не вполне сходится со временем женитьбы родителей.

– Катерина являлась его дочерью от первого брака, а Ингрид Томсен удочерила ее, выйдя замуж за Карла Хеннинга. Родная мать Катерины погибла в автомобильной аварии, когда девочка была еще совсем маленькой. Однако я вовсе не обещал вам воспроизводить все детали того дела. Обо всем этом вы можете прочесть самостоятельно. – О'кей, просто мне стал любопытно.

Конрад Симонсен едва заметно улыбнулся.

– Не самое худшее качество в нашей работе. Однако вернемся к Карлу Хеннингу Томсену. Оба значимые обстоятельства, говорившие в пользу его невиновности, к сожалению, не подтверждались никакими фактами, и в то же время, как вы уже слышали, у нас было полно конкретного материала, чтобы привязать его к убийству. Чего нам не доставало в первую очередь, так это мотива, хотя у Катерины Томсен и была тщательно скрываемая от родителей тайна: у нее возникли определенные отношения – вероятно, их скорее всего можно было бы определить как своего рода платонически-лесбийские, – с некой женщиной, о существовании которой мы знали определенно, однако так и не смогли ее отыскать. Мы считали, что дочь могла поставить папашу в известность о данном обстоятельстве, после чего он в приступе религиозного гнева убил ее; однако все это было недостоверно и строилось лишь на предположениях, тем более что многие события, в частности по времени, не укладывались в данную схему. Согласно другой версии, учеба дочери противоречила исповедуемой семьей религии – Свидетели Иеговы не верят в образование, – но и такой мотив был, мягко говоря, сомнительным. Второе обстоятельство, говорившее в пользу того, что отец не является убийцей, было еще более неконкретным, чем первое, тем не менее вы как профессионалы должны признать, что его также нельзя сбрасывать со счетов. Несмотря на то, что Карл Хеннинг Томсен пребывал в глубоком отчаянии, он постоянно продолжал заявлять о своей невиновности. Не скажу точно, в течение скольких часов в общей сложности его допрашивали, – знаю только, что довольно долго, – но ни разу за все это время он не допустил никаких внешних проявлений того, что именно он убил дочь. Несмотря на все расставляемые ему ловушки и приводившиеся неоспоримые улики. Мой тогдашний шеф Каспер Планк долго считал, что мы, по всей видимости, ошибаемся на его счет, однако, к несчастью, впоследствии мне удалось его переубедить. На его стороне были логические рассуждения, на моей – сильные аргументы, и в конечном итоге моя линия взяла верх. К сожалению, таково было положение дел, и в течение последних нескольких суток я постепенно убедился в том, что мне предстоит жить с сознанием этого весь остаток моих дней.

К собственному удивлению главный инспектор произнес последние фразы без малейшей заминки. Внезапно ему пришла в голову мысль, что, по-видимому, он был слишком уж высокого мнения о себе – эгоистичный шут, не выносящий собственных ошибок, которого гораздо

больше заботят собственные рефлексии, нежели судьбы тех, кто стал жертвой его неумелых действий.

– Может, сделаем перерыв? – спросил Арне Педерсен.

Конрад Симонсен с растерянным видом посмотрел на подчиненного.

– Прости, что ты сказал?

– Я говорю, может, мы прервемся ненадолго?

– Да, сейчас, я скоро уже заканчиваю. Последний акт трагедии разыгрался, когда мы выдвинули против Карла Хеннинга Томсена обвинение в убийстве собственной дочери. Во время судебного разбирательства у обвиняемого произошел нервный срыв, и его на «скорой помощи» отвезли в Государственную больницу, где, несмотря на бдительный присмотр, ему удалось выброситься из окна восьмого этажа. Случилось это в октябре 1998 года. Дело, таким образом, было закрыто и сдано в архив. Тем не менее двумя годами позже оно получило своего рода продолжение. Во время перестройки здания в прежней квартире Катерины Томсен было найдено ультрасовременное подслушивающее устройство. Непонятно было, имеет ли оно какое-либо отношение к убийству, да и выяснять это, признаться, тогда особо не стали. У кого-либо есть какие-нибудь вопросы или комментарии?

Взгляд главного инспектора медленно скользил по лицам присутствующих, которые один за другим отрицательно качали головой: ни у кого никаких замечаний не было.

– Тогда – перерыв, а затем я передам слово Арне Педерсену.

Сказав это, Конрад Симонсен наклонился к коллеге:

– Надеюсь, все в порядке? Графиня сказала, что ты не против.

– Все о'кей. Разумеется, я могу продолжить, особенно теперь, когда нет никаких посторонних.

– Я просто-напросто выдохся. А за последние недели мне пришлось научиться прислушиваться к своему организму.

– Не нужно мне ничего объяснять.

– Слушай, а это прозвучало не слишком выпендренно... ну, с отцом и моей собственной ролью в деле?

– Все было предельно откровенно, и если ты полагаешь, что это касается лишь тебя одного, то должен сказать, ты ошибаешься. Не знаю, обратил ли ты на это внимание, но нас здесь шестнадцать вместо девятнадцати. Трое коллег, которые, как и ты, принимали участие в расследовании убийства в Стевнс Клинт, вынуждены были уйти домой – попросту не вынесли внезапно обрушившегося на них груза вины. Даже Поуль Троульсен пошел проветриться – ему также не по себе.

– Когда я выговорился, мне вроде даже полегчало. Как будто преодолел какое-то препятствие. Вечером мне опять предстоит подобная процедура, но ничего, думаю, справлюсь. Правда, чувствую я себя таким измотанным, будто мне добрых девяносто лет.

– А чему тут удивляться? Другим, уверяю тебя, тоже не легче.

– Да, понимаю, и в свете этого тем более здорово, что ты согласился меня заменить. А я тем временем отправлюсь на часок, а то и на полтора в одно укромное местечко, где есть небольшой диванчик...

Арне Педерсен улыбнулся:

– Что касается дивана в укромном местечке, то я прекрасно знаю, где он находится, равно, впрочем, как и многие другие – так что смотри, как бы он не был занят. Кстати, тебя разбудить?

– Как хочешь – вообще-то, я поставлю будильник на мобильном телефоне. Однако в любом случае спасибо за предложение. Я так понимаю, что для начала ты расскажешь, как выглядела эта DYE-5, а затем распределишь всех работников станции, согласно предоставленному нам американцами списку, между нашими сотрудниками. – Все так и сделаю.

– Когда закончишь, мне хотелось бы иметь данные о том, кто за кем закреплен, и позаботься, чтобы на беседу к каждому из работников DYE коллеги ходили по двое, причем один – обязательно мужчина. Согласен?

– Полностью.

– Надо бы поскорее продумать план того, каким образом нам информировать общественность. Чувствую, с этим предстоит немало хлопот.

– Хлопот у нас и так хоть отбавляй. Иди уже наконец спать.

Арне Педерсен обнял шефа за плечи и попытался увлечь его к двери, что на первый взгляд было вызвано самыми благими намерениями наряду с беспокойством за здоровье любимого начальника, однако Конрад Симонсен слишком хорошо знал своего подчиненного, и к тому же Арне никогда не был хорошим актером, способным на спонтанную импровизацию. Высвободившись из рук коллеги, он спросил:

– А ну-ка признавайся, что тут происходит? С чего это ты так разошелся?

В этот момент взгляд его упал на экран, на котором большими буквами было написано сообщение, только что поступившее от Мальте Боруна: *«К боссу направляется важный посетитель»*. Арне Педерсен не сдавался:

– Это все может подождать, Симон.

Но было уже слишком поздно. В дверях показался безукоризненно одетый господин. Конраду Симонсену и Арне Педерсену он был известен по одному из прежних их дел. Звали господина Хельмер Хаммер, и служил он в администрации премьер-министра. Этот во всех отношениях очаровательный человек неизменно старался скрывать свое влияние на обстоятельства, однако при этом, как правило, дела шли именно так, как хотел этого он. Обоим сыщикам он нравился, что, однако, не мешало Арне Педерсену встретить его брюзгливой тирадой:

– Это вовсе не мы обидели ту малахольную гадюку из МИДа, а если ты хочешь поговорить с Симоном, то придется пару часиков подождать, пока он как следует отдохнет.

Однако Хельмер Хаммер в свойственной ему манере перехватил инициативу:

– Что ж, я вполне могу подождать пару часов. Просто эта малахольная гадюка из МИДа собирается сегодня вечером организовать некую видеоконференцию и хотел бы узнать, сможет ли Симон принять в ней участие.

– Что, Берлин обещал быть на проводе? – снова недовольно пробурчал Арне Педерсен.

– Нет, одно судно в Карибском море. Однако, разумеется, мне не стоило так врываться сюда в надежде, что вы бросите ради этого все то, чем в данный момент занимаетесь. И хотя дело у меня буквально на десять минут, я прошу прощения...

В голове у Конрада Симонсена как будто зазвонил колокольчик. Когда они с Графиней отказались от задуманного путешествия, Графиня предложила его дочери, Анне Мие, съездить вместо них, абсолютно бесплатно, разумеется, прихватив с собой подругу или приятеля. Если, конечно, она захочет. Она захотела. Они договорились, что время от времени Анна Мия будет звонить домой, однако пока что от нее не было ни слуха ни духа. Главный инспектор подозревал, что что-то не в порядке со связью.

– Погоди-ка секундочку. Что это там за видеоконференция?

– Это называется мероприятием по восстановлению доверия. Они там, на Слотсхольмене⁹, мастера на подобные штуки.

– И что я должен буду сделать взамен?

– Ничего, в том-то все и дело. Считай это извинением за то, что он попытался на тебя наехать.

– Звучит как-то подозрительно.

⁹ Слотсхольмен – небольшой остров в Копенгагене, на котором расположен комплекс правительственных зданий.

– Тем не менее все обстоит именно так, даю тебе слово. Он свалил дурака и теперь стремится исправить положение.

– Тогда я, конечно же, приду. Да ты и сам это понимаешь.

– Разумеется, понимаю. Скажи, где мы могли бы поговорить так, чтобы нам никто не мешал. Когда я говорил о десяти минутах, я вовсе не шутил.

Конрад Симонсен сделал приглашающий жест рукой:

– Здесь нас никто не потревожит.

Когда оба они вышли в коридор, Хельмер Хаммер принялся объяснять:

– Я пришел, поскольку хотел посоветоваться с тобой, а также попросить об одной услуге. Сначала по поводу совета. В последнее время становится все более заметно, что у нас образовалась целая плеяда молодых полицейских, которые сдали по несколько экзаменов в юридических вузах, а потом забросили учебу там и поступили в школу полиции. Существует идея помочь им сдать итоговый экзамен на звание юриста без отрыва от несения ими службы. Это позволит добиться серьезной экономии государственных средств: ведь затратив сравнительно небольшую сумму, мы пополним ряды полиции молодыми высокообразованными сотрудниками. Мне бы хотелось знать, что ты, как главный инспектор уголовной полиции, думаешь по поводу данного плана.

Конрад Симонсен недоверчиво покачал головой. Собеседник его явно жонглировал делами государственного значения по собственному усмотрению, проделывая это настолько виртуозно и откровенно, что даже не вызывал возмущения своими манипуляциями. Хельмер Хаммер прекрасно знал, что дочь Конрада Симонсена недоучилась два года на юридическом факультете и скоро оканчивает школу полиции. Знал он также, что план получения высшего образования, который он только что набросал, станет такой наживкой, против которой отец не в силах будет устоять.

– Ну, тут ты мне льстишь. А какой помощи ты от меня ждешь?

– Позволь расценить подобный ответ как свидетельство того, что проект тебе понравился. Что же касается услуги, о которой я собирался тебя попросить, то у меня образовалась одна проблема. Тот чиновник из Министерства иностранных дел, который приходил послушать твой доклад, – его зовут Бертиль Хампель-Кох, и именуется он вовсе не гадюкой, а директором департамента. Господь свидетель, иногда он бывает таким напыщенным и упрямым, что дальше некуда. Кроме того, он обожает участвовать во всякого рода заморочках на наших отдаленных территориях, в чем, кстати сказать, он, к сожалению, вовсе не одинок. Иногда наша центральная администрация напоминает мне детский сад. Но в то же время Бертиль – весьма компетентная фигура, человек, на которого, если сойтись с ним поближе, всегда можно не задумываясь положиться. Кроме того, ему вполне можно верить, он всегда соблюдает все свои договоренности.

– Ну, и как же мне сойтись поближе с этим достойным человеком?

– Просто посылай ему каждый вечер короткие электронные сообщения – буквально пару строчек – о том, как движется расследование. Если нет ничего нового, то так и пиши. А если произойдет что-то важное, сообщи сразу, как появится время.

– И это все?

– Не совсем. Его можно узнать лучше, если изредка, когда захочется, наносить ему визиты.

– Но только когда это будет удобно мне, а не ему.

– Данное обстоятельство я особо подчеркнул.

– И он на это согласен?

– Он привык приспосабливаться. Иначе не занимал бы этот пост.

– Если я получу письменное указание от директора департамента полиции по поводу того, что должен... законтачить с ним, тогда мы вполне сможем заключить такое соглашение.

Но только это указание должно исходить не из Главного управления полиции, а от моего непосредственного начальства, то есть от Гурли...

– Это указание уже лежит у тебя на столе рядом с визиткой, на которой указан номер телефона, по которому тебе нужно позвонить нашему другу сегодня вечером. Там же тебя ждет и его электронный адрес.

Договоренность была достигнута, и, подобно двум старым барышникам, они скрепили ее рукопожатием. Однако у Конрада Симонсена остался еще один вопрос, прояснить который, как ему казалось, сейчас было самое удобное время.

– Скажи мне одну вещь: кто на самом деле принял решение о том, чтобы я возглавил расследование этого дела? Ведь не может же быть, чтобы вся эта газетная писанина о канцлере была правдой, верно?

Хельмер Хаммер улыбнулся и покачал головой.

– Нет, тут ты абсолютно прав. Порой просто удивительно, в какую только чепуху не заставляют поверить людей эти средства массовой информации.

– Тогда кто же?

– Я.

– Ты?! Но почему?

– Потому что ты – умный.

– Чушь. Другие тоже умные. Ты знал, что я уезжаю в отпуск?

– Да, к сожалению. Правда, я не был в курсе, что тебе нездоровится. Так что за это прошу прощения.

– Ладно, хорошо, но ты так мне и не ответил. Почему именно я, и почему ты во все это вмешиваешься?

– Я просто делаю свою работу, и это вовсе не чушь, когда я говорю, что ты умный.

– Но есть ведь и другие причины, верно?

– Если они и существуют, то не имеют никакого значения ни для тебя, ни для предстоящего расследования. Можешь мне поверить.

Хельмер Хаммер сверился со своими часами.

– Вот видишь, что я тебе говорил? Все это заняло восемь с половиной минут. Теперь бы мне только выбраться отсюда.

Он растеряно озираясь по сторонам, по-видимому, полностью утратив способность ориентироваться в бесконечном лабиринте совершенно одинаковых прямых и изогнутых коридоров здания.

– Чувствуется, это будет не так-то просто. А я-то считал, что знаю здание префектуры как свои пять пальцев.

– Лишь проработав добрый десяток лет, начинаешь хоть как-то ориентироваться здесь. Ладно уж, я тебя провожу... хотя нет, постой-ка, тогда получится, что ты добьешься своего по всем пунктам – а для психики это вещь опасная. Исключительно с точки зрения укрепления душевного здоровья тебе бы следовало поблуждать здесь с четверть часика.

– Все мы в результате чего-то добиваемся – в этом-то и весь смысл. Однако пусть будет по-твоему: попытаюсь сам найти дорогу. Передавай привет дочке! Надеюсь, скоро мы снова увидимся. Да, Симон, желаю хорошенько выспаться.

Глава 5

Начальник спал, и перерыв в совещании убойного отдела, посвященном рассмотрению обстоятельств гибели Мариан Нюгор и Катерины Томсен, затягивался. Коллегам было о чем поговорить, да и Арне Педерсен, которому предстояло вести дальнейшее заседание вместо спящего шефа, совсем не прочь был потратить несколько лишних минут на подготовку. Он сидел чуть в сторонке от остальных и изучал компьютерные слайды, которые использовались в докладе Конрада Симонсена. Полина Берг подошла к нему, но он, скосив на девушку глаза, недовольно отмахнулся.

– Что бы у тебя там ни было, Полина, с этим можно подождать.

Девушка и не думала сдаваться; усмехнувшись, она выхватила из руки Арне шариковую ручку.

– Какого дьявола?! Почему со мной ты вечно нарушаешь субординацию? Неужели не понимаешь, что мне надо еще раз все это хорошенько прочесть? Или, может, сама хочешь продолжить? Что ж, с удовольствием посижу и послушаю.

Полина Берг постаралась изобразить самую обаятельную из своих улыбок. Следует отметить, что это возымело эффект.

– Брось, ты и сам прекрасно справишься.

– Мне бы твой оптимизм. Разумеется, справлюсь, другой вопрос – как? Так что тебе надо? Беспокоишься из-за того, что похожа на этих бедолаг – убитых девушек? Ну, с этим ничего не поделаешь, хотя такая твоя реакция мне вполне понятна.

– Прямо мурашки по всему телу. Правда, глаза у меня голубые, да и цвет волос не тот. Но как только я это поняла, мне и вправду стало как-то не по себе. К тому же все сразу же молча уставились на меня.

– Да успокойся ты, никто на тебя не уставился. И все-таки – что ты хотела?

– Ой, что это там, на экране?

Арне Педерсен посмотрел наверх и увидел, что Мальте Боруп уже вывел на экран первый слайд: странного вида сооружение, больше всего напоминавшее буровую платформу с каким-то огромным яйцом внутри. С трудом сдерживая раздражение, Арне пояснил:

– Как следует из надписи под снимком, это станция DYE-5.

– Не такая уж она и большая.

– Не такая большая? Я бы так не сказал. Само здание шестиэтажное и стоит на восьми опорах. Купол сверху – радар, затянутый пластиком, поэтому он белого цвета. Если помотришь на женщину, которая стоит у крайней левой опоры, поймешь, что в действительности сооружение было монументальным. Построить его там стоило гигантских усилий, если учесть, что каждый фрагмент приходилось доставлять по воздуху. «Eyes of freedom» – «око свободы» – так американцы называли свои радарные установки.

Полина Берг махнула рукой, как будто отгоняя назойливую муху. Всем своим видом она демонстрировала, что подобного рода информация ее нисколько не интересует. Тем не менее Арне Педерсен продолжал, как ни в чем не бывало:

– По мере нарастания льда и увеличения толщины снежного покрова существует возможность приподнимать здание. Таким образом, данная конструкция гораздо...

Девушка с досадой перебила:

– Да чихать я хотела на все эти опоры и этажи. Где остальное?

– Если наберешься терпения и подождешь пару минут, я расскажу обо всем в деталях. Кроме того, увидишь массу фотографий здания изнутри.

– И только-то? Я имела в виду, где остальные сооружения?

– Было только это, и еще четыре точно таких же станции DYE.

– Но все остальные были расположены далеко от этого, не так ли?

– Точно. По идее они должны были быть выстроены цепочкой, однако DYE-5 не совсем вписывается в общую картину.

– Такого быть не может. Что-то здесь не так.

– А что, собственно говоря, тебя тут смущает, Полина?

В глубине души Полина Берг лелеяла надежду, что однажды ей удастся раскрыть какое-нибудь по-настоящему крупное дело. Как-то раз ей посчастливилось отыскать довольно важный жесткий диск, который никто до нее найти не смог, и она до сих пор с гордостью вспоминала об этом. Однако ничем более существенным похвастаться она не могла. Понимая, что мечты ее наивны и романтичны, она предпочитала держать их при себе; исключение составлял один-единственный случай, когда она проговорила, причем именно в присутствии Арне Педерсена... а также еще один раз, в присутствии Графини, ну и, может, еще пару раз, однако об этом все наверняка давно уже забыли. Но теперь, если только гипотеза ее верна! Она даже не решалась додумать свою мысль до конца. Чувствуя, как внутри все закипает от восторга, девушка едва слушала увещевания Арне Педерсена, который как будто бы догадывался о возникших у нее мыслях:

– Не забывай, что, когда мы ведем расследование, все работают в команде.

– Разумеется, в команде, но есть кое-что, что необходимо проверить прямо сейчас, так что придется вам часок-другой обойтись без меня.

С этими словами она повернулась, собираясь идти, однако Арне Педерсен успел поймать ее за руку.

– Эй, ты что? Мне больно!

– Глупости! Ничего тебе не больно.

– У вас у всех время от времени возникают собственные идеи, которые выглядят настолько перспективными, что проверка их не терпит отлагательств. Могу и я в виде исключения в кои-то веки раз поступить подобным образом? Да и помимо всего прочего, какое-то время я здесь уже отсидела.

– В ходе расследования абсолютно недопустимо скрывать от своих коллег какие-либо сведения.

– Ну, пожалуйста, ослабь свой поводок хоть на сегодня. Обещаю, что не позднее восьми позвоню тебе, хотя... Слушай, если сегодня ты не занят, может, зайдешь ко мне? Посмотришь мой новый дом, а заодно, если не против, поможешь повесить карнизы.

– А твой парень, что, не может?

– Мы с ним расстались.

Услышав это, Арне Педерсен остолбенел. Ничего такого она ему не рассказывала. Хотя, с другой стороны, кто он такой, чтобы требовать от нее отчета о личной жизни?

– Но вы ведь вроде бы покупали этот дом на двоих.

– Ну да, а потом он вдруг решил приударить за однокурсницей, да так приударил, болван, что скоро станет папашей.

– А с деньгами как же? Ты одна-то это потянешь?

– Графиня помогла мне переоформить кое-какие кредиты, да и в вечерней школе танцев пришлось взять пару групп, так что как-нибудь выкарабкаюсь. Ну так что, мы увидимся?

Арне Педерсен не ответил, однако выпустил запястье девушки, после чего встал и крикнул в зал:

– Прошу прощения, еще буквально пять минут.

– Сядь, – решительным тоном скомандовал он затем, обращаясь к Полине.

Девушка нехотя повиновалась; Арне также опустил на стул.

– Ты ведь сама видела этих несчастных и должна понять, что ни при каких обстоятельствах тебе не следует действовать на свой страх и риск, когда никто не знает, чем именно ты

занимаешься. Этот вопрос даже не обсуждается, так что или ты говоришь мне, что задумала, или остаешься здесь.

– О'кей, но не забудь потом, что это – моя идея.

– Какая идея?

– Посмотри-ка на координаты под снимком.

– Вижу, ну и что?

– А то, что это вовсе не координаты места преступления. Если, разумеется, исключить возможность того, что одна и та же ошибка была допущена в трех местах, то здание станции DYE располагалось вовсе не там, где было найдено тело Мариан Нюгор.

Арне Педерсен с интересом и одновременно с недоверием посмотрел на собеседницу.

– Продолжай.

– Я это заметила, поскольку координаты места захоронения Мариан Нюгор совпадают с номером моего мобильного телефона – за исключением секунд. Вот посмотри: координаты DYE-5 – $68^{\circ}47'02''$ северной широты и $45^{\circ}14'03''$ западной долготы, а могилу Мариан Нюгор обнаружили в точке с координатами $68^{\circ}37'02''$ северной широты и $45^{\circ}41'03''$ западной долготы. Так следует из первого сообщения пилота вертолета немецкого канцлера, принятого контрольной вышкой аэропорта Илуиссата, и это соответствует расчетам экспертов, сделанным с помощью системы GPS. Сначала я подумала, что эта станция DYE, по-видимому, очень большая, раз занимает такую площадь, однако оказалось, что это вовсе не так. И тогда выходит... Нет, я, конечно же, не специалист в области сферической геометрии, но в школу-то я ходила и знаю, что в Дании минута широты соответствует двум километрам, а минута долготы – одному. Теперь понимаешь, Арне?

– Ни черта не понимаю – ты меня совсем запутала.

– Так вот, хотя расстояние, соответствующее градусу долготы, возрастает, чем больше мы удаляемся от экватора, все же бухта Диско расположена не настолько севернее нас, чтобы в ней были неприменимы правила Пифагора – пусть даже подсчеты будут не совсем точны, а результаты приблизительны.

По мере своего рассказа Полина все больше увлекалась, однако заметив, что несколько коллег уже повернулись к ним, девушка резко сбавила тон.

– Так что, как сам можешь убедиться, расстояние между двумя этими местами, по крайней мере, километров пятнадцать, а то и того больше.

Арне Педерсен и не думал заниматься сложными вычислениями; вместо этого он посмотрел в глаза девушки.

– Ты сама в этом уверена, Полина?

– Ну да. Вроде ошибке взяться неоткуда.

Обернувшись, Арне надолго уставился на экран, вспоминая, как сам стоял там, на материковом льду. Полина терпеливо молчала.

– Так ты говоришь, пятнадцать километров?

– Это как минимум.

– Значит, пилот вертолета?

– Вот именно.

Эту информацию необходимо было как следует взвесить. Несомненно, существовала возможность, что в ее математические расчеты закралась ошибка, и тогда все эта теория – не более чем пустой звук. С другой стороны, это превосходно объясняло то обстоятельство, что гренландские коллеги не обнаружили никаких остатков DYE-5. Несмотря на то, что, по словам Тронда Эгедэ, американская армия умела действовать весьма эффективно, выглядело маловероятным, чтобы такое огромное здание могло исчезнуть абсолютно бесследно. Между тем, как следовало из опыта прежних расследований, ошибки, связанные с банальной путаницей в числах, были вовсе не такой уж редкостью. Он осторожно спросил:

– И что ты теперь собираешься делать?

– Развить свою версию и поработать с координатами. Где-нибудь в интернете наверняка отыщется формула, по которой можно точно рассчитать расстояние, или придется воспользоваться Google Earth, а если и из этого ничего не выйдет, то я знаю человека, который может произвести подобные вычисления, хотя, откровенно говоря, мне бы не очень хотелось с ним связываться.

– Для начала загляни ко мне в кабинет и найди визитку из полиции Нуука – она приколата где-то там, на информационном стенде. Позвони по номеру, записанному с обратной стороны, попроси пригласить к телефону Тронда Эгед и повтори ему все то, что только что мне сказала. Только выбирай выражения, когда будешь объяснять ему, каким образом в определение координат закралась ошибка, – если, конечно, ошибка эта вообще существует. И попроси его перезвонить, когда он проверит, верна ли твоя гипотеза. Можешь не говорить ему, насколько это важно, – он и сам прекрасно все понимает. А пока будешь ждать ответного звонка, сосредоточься на расчетах.

– Если все подтвердится, я бы хотела съездить побеседовать с той медсестрой, имя которой значится в составленном Симоном списке свидетелей.

Арне Педерсен на мгновение задумался.

– Хорошо, но сначала загляни сюда и предупреди меня. И вызови из зала Графиню – расскажи ей о том, что тебе удалось нарыть.

– О'кей, а еще я хочу переговорить с кем-нибудь из тех, кто работал...

Арне резко перебил ее:

– Только не в одиночку! Разговаривать с ними одной я тебе категорически запрещаю. Все, точка! Хотя погоди-ка...

Полистав свои бумаги, он, по-видимому, отыскал то, что хотел.

– Передай-ка мне мою ручку.

Полина поспешила выполнить просьбу старшего товарища.

– Вот, смотри. Можешь переговорить с ним – но только с ним, и ни с кем больше. С 1992 года он прикован к инвалидному креслу, так что ты сама понимаешь, что именно это значит. Ты ведь умная девушка, Полина. Когда к тому же ты станешь еще и профессией...

Она прикрыла ему рот ладошкой.

– Если мне удастся вычислить его имя, мне бы хотелось самой рассказать об этом. Разумеется, только самому узкому кругу коллег.

– Я не возражаю.

– Как ты считаешь, я очень тщеславна?

– Да.

– Вот и Графиня так говорит, только при этом она смеется. Ты же, по-видимому, думаешь, что я ужасная особа. – Сама знаешь, Полина, что это не так.

– Значит, все-таки зайдешь ко мне помочь с карнизами?

Не дожидаясь ответа, она выпорхнула из зала.

Не прошло и двадцати минут, как Полина заглянула в зал и показала Арне большой палец. Педерсен к этому времени уже успел добраться почти до середины своего доклада, большая часть которого становилась теперь неактуальной. Графиня поднялась со своего места и вышла из зала. Арне же в это время думал, что он скажет Конраду Симонсену. И собственной жене.

Женщины прошли в кабинет Графини. Не успела за ними закрыться дверь, как Полина Берг заговорила. Впрочем, вовсе не об ошибке в определении координат.

– А Симон держался молодцом.

Ответ Графини прозвучал немного резковато:

– А ты как думала?

– Да никак. Вообще-то я тоже считала, что он выдержит, но все ведь полагали, что ему будет вовсе не сладко. Ну, я имею в виду, эту историю с папашей девушки и все такое...

– Ладно, Полина, так что ты там нарыла? Арне сказал, что это может быть крайне важно. Признаться, мне немного жаль, что не удалось дослушать его доклад до конца. Так что давай, рассказывай, почему мы оказались здесь.

Полина Берг стала рассказывать. На этот раз ее объяснения были гораздо более стройными, и Графиня сразу же уловила суть. Реакция последовала незамедлительно и была такой же, как и у Арне Педерсена:

– Так, значит, пилот вертолета?

– Скорее всего.

Графиня некоторое время помолчала, ожидая, пока полученная информация уляжется. Затем осторожно спросила:

– И что, гренландская полиция подтвердила, что месторасположение этой станции было определено неверно?

– Ну да. Я связалась с человеком, которого зовут Тронд Эгед. Это он был вместе с Арне и Симоном там, во льдах. Пять минут назад он перезвонил и сообщил, что я совершенно права. И очень извинялся. Ему до чертиков досадно, что он сам не заметил все эти ошибки. Это его собственные слова – я цитирую.

Графиня кивнула, как будто подчеркивая свою солидарность с досадой Тронда Эгед, а затем с широкой улыбкой сказала:

– Отличная работа, Полина. Мы бы могли потерять на этом кучу времени. Считай, сегодня ты отработала свое жалование.

Полина Берг даже порозовела от удовольствия.

– Благодарю. Арне мне обещал, что я могу поехать переговорить с одним свидетелем, который знает все об этих DYE. Хотя, честно говоря, он был не в восторге от этого.

– Бог с ним, отправляйся. Вот только что касается списка бывших сотрудников DYE... Я считаю, тебе не стоило бы одной встречаться ни с кем из значащихся в нем мужчин. Или по крайней мере... хотя нет, вне зависимости от того, пилот этого вертолета или же кто-то другой, лучше, если ты будешь держаться от них подальше. Договорились?

– Договорились, постараюсь держаться подальше. Арне, кстати, тоже об этом предупредил.

– Ну, вот видишь, значит все правильно. Если хочешь, можешь взять мою машину.

Провожая взглядом выходящую из дверей девушку, Графиня ощутила легкий укол зависти. Не потому, что юной коллеге удалось обнаружить то, на что никто не обратил внимания, – нет, тут она могла лишь порадоваться за Полину. Графиня позавидовала ее кипучей энергии и неумному тщеславному ликованию, когда ей наконец удалось отличиться. Все это были черты, присущие юности, которые со временем наверняка исчезнут, в том числе и у Полины Берг. Ведь рано или поздно начинаешь понимать, что расследование, которое в данный момент представляется тебе особо важным, на самом деле не имеет такого уж ключевого значения, ибо за ним последует новое, а там – следующее и еще одно... Осознание этого приводит к тому, что из дела жизни следствие постепенно превращается в обычную рутинную работу. Что, в конечном итоге, гораздо более эффективно, хотя, разумеется, предполагает минимум энтузиазма, да и от восторженного отношения новичков к своей работе уже давно не осталось и следа. Она подумала и решила, что такое происходит в большинстве профессий.

Внезапно у Графини возникла неприятная ассоциация. Новая секретарша ее бывшего мужа в свое время также была весьма амбициозной особой. Оба они – и она, и муж – в разговорах между собой называли ее не иначе как «Эрна с острыми локтями». Графиня тут же поправилась: бывший муж, и сразу почувствовала, как от внезапно всколыхнувшейся нена-

висти у нее засосало под ложечкой. Это ощущение, ни на день не оставлявшее ее в течение целого года после развода, все еще время от времени возникало вновь. Правда, не с такой остротой, как прежде. Эрна успела уже родить второго ребенка от ее мужа... от ее бывшего мужа. Рождение первого им удавалось скрывать около месяца, прежде чем Графиня заподозрила что-то неладное и наняла частного детектива для слежки за супругом. Разрыв их был тяжелым и окончательным. *«Теперь, когда я наконец свободен, мне ничто не мешает просыпаться каждое утро в объятиях женичины, которая ежедневно стремится лишь к одному – быть совершенной».* Это были последние слова, сказанные им перед тем, как расстаться с нею и навсегда покинуть ее жизнь. Чтобы уйти к новой семье. Тяжело вздохнув, Графиня попыталась усилием воли отогнать от себя негативные мысли, прекрасно зная, что теперь будет как минимум несколько дней злиться, одновременно испытывая параноидальный страх случайно столкнуться с ними на улице. Так бывало всегда. И наоборот, немного помогало, стоило ей только вспомнить о том, что раз в два месяца частный детектив продолжает присылать ей фотографии. Так просто, чтобы она могла быть в курсе событий и контролировать ситуацию. Она велела ему делать снимки, не скрываясь, чтобы как можно больше досадить им. Думать об этом ей также было приятно.

Глава 6

Патронажную медсестру Полина Берг отыскала прямо посреди одной из центральных улиц Роскилле. Та сидела в маленьком красном автомобильчике с эмблемой муниципальной медицинской службы и заполняла схему отчетности. Женщине было пятьдесят с небольшим, однако, несмотря на изящный форменный костюм приятного серо-голубого цвета и умело наложенный макияж, она выглядела старше своего возраста. Лицо у нее было усталым, а движения резкими и угловатыми, как будто она сама на себя за что-то злилась. Выслушав короткий рассказ Полины Берг о цели ее визита, она с недоверчивым видом изучила ее удостоверение и лишь после этого пригласила девушку присесть на пассажирское сиденье. Затем она снова углубилась в бумаги, как будто не замечая, что теперь уже не одна в машине. Закончив наконец со своими записями, она аккуратно разложила все листки по двум папкам, озабоченно взглянула на часы и сказала:

– Я уже и так на восемь минут выбилась из графика. Следующий мой гражданин, правда, живет всего в двух кварталах отсюда, но вот тот, к которому я отправлюсь потом, – в Вибю. Так что, если подождешь меня, у нас будет время переговорить по дороге туда.

– Конечно, я подожду.

Женщина завела свой автомобильчик и привычно влилась в напряженный полуденный поток транспорта. Затем без всякого перехода заметила:

– Да-а, стало быть, гражданин. Так мы их называем, и выражение это уже настолько вошло у нас в обиход, что воспринимается как нечто вполне естественное. Хотя я прекрасно понимаю, что для постороннего уха оно звучит, скорее, как термин времен Великой французской революции. Ты останешься в машине. Вообще-то это против правил, но сотруднику уголовного розыска, пожалуй, можно доверять.

Вскоре они подъехали к дому следующего «гражданина», и медсестра выпрыгнула из машины.

– На него у меня уйдет максимум четверть часа, а если повезет, удастся еще и нагнать минутку-другую. Всего и дел-то – повязку сменить.

По истечении семнадцати минут Полина Берг начала нервничать.

Тем не менее по пути в Вибю им все же удалось поговорить. Полина спросила:

– Когда ты работала на американской базе в Сёндре Стрёмфьорде в 1983 году, одной из твоих коллег была некая Мариан Ньюгор?

Судя по графику медсестры, поездка должна была длиться не менее двадцати минут, так что особых причин форсировать беседу не было. Поэтому Полина и решила начать с предыстории.

– Да, мы с ней обе были медсестрами. Согласно *baserules*¹⁰, каждая должность на базе должна была обеспечиваться двумя единицами персонала, даже несмотря на то, что работы подчас и у одного-то было на полдня максимум. С одной стороны, ВВС США могут функционировать до изумления эффективно, а с другой, разбазаривают свои ресурсы почему зря.

– И сколько времени ты проработала на Гренландии?

– С 1980 по 1984 год.

– Сложно было устроиться туда на работу?

– Не особенно, если ты медсестра. Требовалось лишь хоть как-то говорить по-английски и быть приятной в общении. Ходили также слухи, что препятствием могла стать политическая ангажированность – ну, там, если ты, предположим, коммунист или кто-то еще в подобном роде, – однако правда ли это, я не знаю.

¹⁰ *Baserules* (англ.) – 1. основные правила; 2. регламент базы.

– Ты в курсе, что произошло с Мариан Ньюгор?

– Разумеется, в курсе. Это ведь ее немецкий канцлер обнаружила во льдах. Я стараюсь как-то поменьше забивать себе голову мыслями об этом. Что, в общем, совсем нетрудно: все ведь это произошло так давно, как будто в прошлой жизни.

– Ну и как вы с ней ладили?

– Не особенно, между нами всегда было жесткое соперничество.

– За то, кто из вас лучшая медсестра?

– За то, кому достанутся лучшие мужики. Надо честно признать, что здесь она была вне конкуренции.

– У нее было много мужчин?

– По большому счету Мариан могла заполучить любого, кого хотела, но если ты имеешь в виду, что она готова была к каждому прыгнуть в койку, то – нет. В общем-то, в этом отношении мы с ней ничем не отличались от прочих девушек в этом возрасте. Даже если учесть кучу свободного времени и обилие вечеринок с морем дешевого спиртного. Не говоря уже о том, что взаимоотношения мужчин и женщин на базе этому весьма способствовали, если ты понимаешь, о чем я.

– Хм-м-м... кажется, понимаю. А ты не помнишь, у Мариан были подруги? Ну, или друзья? Я имею в виду тех, с кем она могла быть откровенна?

Медсестра ответила, не раздумывая:

– Да, у нее была одна подруга – наполовину гренландка, наполовину датчанка. Она была даже красивее Мариан – высокая, стройная. Училась в университете в Орхусе, а на это время брала академический отпуск. Вот только имени ее не помню – только прозвище. Почти у каждого из нас тогда оно было. Может, это и выглядит странно и неестественно, однако сейчас на память приходят лишь те самые прозвища.

– И как же ее называли?

– Двухметровая Любовь.

– Не знаешь, где сейчас мне найти эту Двухметровую... то есть подругу Мариан?

– Понятия не имею. Помню только, что она вечно где-то училась, так что наверняка она и сейчас имеет дело с книгами. Торгует ими, работает в библиотеке, что-нибудь переводит, редактирует...

Полина Берг перебила:

– Спасибо, я уже поняла – работает с книгами. Скажи, а какие мысли у вас были, когда Мариан Ньюгор вдруг пропала?

– О, это было ужасно, и вместе с тем как-то не укладывалось в голове. Многие из нас тогда считали, что она нарочно ушла во льды, то есть покончила с собой – кстати сказать, такое случалось нередко. Часто бывало, что тела их потом так и не находили. Однако никто и подумать не мог, что Мариан вынашивает подобные планы, так что для всех ее поступок явился самым настоящим шоком. Между прочим, когда мой контракт истек, это стало одной из причин, по которым я решила вернуться домой.

– Она исчезла, когда прибыла на место, которое вы называли DYE-5, – если я правильно понимаю, радарную станцию, расположенную во льдах. А сама ты там бывала? – Два раза. Помнится, мне приходилось неоднократно бывать почти на всех DYE, и лишь на DYE-4 – однажды. Она была расположена дальше всех – на восточном побережье. К сожалению, сейчас, когда прошло 25 лет, мне трудно восстановить в памяти подробности каждой поездки, так что я не уверена, что смогу рассказать что-то о посещении именно DYE-5. Кроме всего прочего, все эти пять DYE были более или менее похожи друг на друга.

– Постарайся хотя бы вспомнить, как вообще проходили такие поездки. На чем вы туда добирались?

– Летали – на самолетах либо вертолетах. На DYE-5 – всегда на самолете, для вертолета это было слишком далеко.

– А возили только вас или же с вами бывали и другие?

– Только нас. Иногда, правда, переправляли кое-какие грузы и всегда – письма, но из людей были только мы. – То есть вы и пилот?

– Ну да.

– А пилотами были американцы или датчане?

– Раз на раз, конечно, не приходился, но обычно – датчане. Согласно предписаниям военных, разумеется, летать должны были американцы, однако все правила систематически нарушались – за исключением неписаных. Некоторые датчане получали лицензию пилотов прямо там, на месте. В том числе и пилотов вертолета. Думаю, это было записано у них в контракте, хотя на 100 процентов я в этом не уверена. Не забывай, ведь у большинства было огромное количество свободного времени, а что касается любых форм обучения, американцы всегда были готовы помочь. В общем и целом все они были весьма услужливыми и приятными людьми, правда, жуткие транжиры – казалось, их нисколько не заботит, какое огромное количество государственных средств просто-напросто пускается на ветер.

– А много времени занимала учеба по управлению вертолетом?

– Восемь недель, и, насколько я помню, стоило это сто пятьдесят тысяч крон. Разумеется, речь шла лишь о лицензии, дающей право на управление частными воздушными судами – не коммерческими.

– Ты говоришь, что на DYE с тобой летали, как правило, пилоты-датчане. Почему?

– Они летали не только на станции DYE, они вообще летали чаще всего. Дело в том, что профессиональным летчикам такие полеты были не интересны, тогда как датчане делали это, что называется, в охотку. Так что американцы обычно просто вписывали в полетный лист свое имя, а вместо них за штурвал садились датские любители. Разумеется, только если инструкторы были полностью убеждены, что соответствующий новичок справится с заданием. Такой вертолет стоит столько же, сколько целое фермерское хозяйство, так что, если бы что-то пошло не так, а потом выяснилось бы, что за рулем, штурвалом или как там еще это называется, был кто-то посторонний, Вашингтон бы своих за это по головке не погладил. Однажды подобный случай произошел в Туле, и после этого все полетные правила несколько месяцев соблюдались самым строгим образом – до тех пор, пока все не забылось.

– Расскажи, как обычно протекали ваши визиты на DYE?

– А что тут рассказывать? Дел было не так уж много: нужно было подсчитать количество оставшихся медикаментов да проверить содержимое аптечек первой помощи, – вот, в общем-то, и все. Это занимало не больше часа – если поторапливаться, и часа два – если делать все с прохладцей. А, как правило, так и бывало. Что мне больше всего запомнилось в процессе подсчета лекарств, так это то, что в их число входили таблетки от малярии – все американские базы в мире, где бы они ни находились, скроены на один манер. Однажды мы, помнится, даже заказали новую партию таблеток от малярии под предлогом того, что у прежних истек срок годности, – правда, для самой базы. Просто так, шутки ради, чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

– И что же?

– Да ничего, точнее, из США на самом деле незамедлительно поступила новая партия. Кроме того, раз в год нам регулярно поставляли по четыре прекрасные газонокосилки. На них сразу же находилось немало охотников, и все они быстро оседали в крупных фермерских усадьбах где-то в Дании.

– Что ж, разумный подход. Ладно, а чем еще, помимо подсчета лекарств, ты занималась во время своих приездов на станции DYE? Разве мужчин, из которых состоял персонал, вам не нужно было осматривать?

– Нет, только медикаменты. С мужчинами, за исключением начальника DYE, мы вообще не должны были встречаться. Вообще-то каждый наш приезд становился своего рода событием, ибо о нем все знали заранее и готовились к нему, как к какому-то крупному празднику. Прежде всего, это вносило хоть какое-то разнообразие в монотонное течение их жизни, а кроме того, мы ведь были для сотрудников станций единственными женщинами, которых они видели за долгие месяцы своей работы. Накануне нашего очередного приезда все они долго мылись в душе, и надо было видеть, как они следили за нами во время наших передвижений по станции. Вот внезапно откуда-то возникает чья-то голова, в щелку за тобой следит пара возбужденных глаз. Мы становились объектами самого пристального и неусыпного внимания, однако – никогда никаких прямых контактов. Черт возьми, как же все это было забавно! Стоит мне увидеть по телевизору суслика, как я сейчас же вспоминаю этих мужчин – точнее, их головы, осторожно выглядывающие из всевозможных укрытий и тотчас же прячущиеся при первых признаках опасности оказаться обнаруженными.

– А тебе бывало от этого как-то не по себе?

– Пожалуй, нет, никогда – для этого попросту не было никаких оснований.

Сказав это, она внезапно непроизвольно покрепче сжала руль; машина дернулась и чуть было не съехала на обочину, однако уже в следующее мгновение выровнялась.

– То есть я считала, что их нет. Ох, до чего же неприятно обо всем этом теперь вспоминать. А как именно Мариан умерла? В газетах приводится столько страшных подробностей. Неужели все это правда?

– К сожалению, да. Ее задушили пластиковым мешком.

– Фу, какой ужас! И что, на ее месте могла бы быть я?

– Едва ли. Убийцу интересовал определенный тип женщин, а ты к нему не относишься. Не припомнишь, с кем Мариан летала на DYE-5 в день своего исчезновения?

– Разумеется, помню – такие дни не забываются. Мы все были жутко расстроены, когда узнали, что она пропала, поскольку всем было ясно, что это может значить. Как я уже говорила, такое и раньше бывало. Пилоту вертолета пришлось по нескольку раз пересказывать всю историю, хотя рассказывать было, в общем-то, не о чем. Я имею в виду, что тут скажешь, когда ее искали, где только можно, да так и не нашли. Но он был нашей последней надеждой, и ему приходилось раз за разом подниматься в воздух и продолжать поиски.

– А на станцию летали только он и Мариан Ньюгор?

– Ну да, конечно, только они. Как я говорила, это было в порядке вещей.

– Он был датчанином?

– Да.

– Как его звали?

– Господи боже! Неужели это он ее убил?

– Мы этого не знаем, но мне хотелось бы узнать его имя. Так ты помнишь, как его звали?

– В том-то и дело, что нет. Хорошо помню его лицо и то, что он был инженером, мастерил всякие забавные технические штучки, а вот имя... хотя нет, погоди-ка. Настоящего имени его я точно не помню, но у него, как и у всех прочих, было прозвище. Банди, Блонди или что-то похожее... Нет... ага, кажется, вспомнила! Пронто, точно – Пронто! Кстати, я тут подумала – а ведь у Мариан тоже было прозвище. Мы звали ее Полли, поскольку у нее была неприятная привычка вечно все повторять – совсем как попугай, понимаешь?

– Ага, понятно. А об этом Пронто можешь еще что-нибудь рассказать?

– Помнится, он был невероятно наивным. Его запросто можно было заставить поверить во что угодно, и время от времени над ним подшучивали – правда, нечасто, поскольку он был слишком уж легкой жертвой.

– Можешь припомнить какой-нибудь случай?

– В *едалъне* – так мы называли нашу столовую – среди прочих блюд фаст-фуда были такие формованные ломтики жареной ветчины в панировке. Мы называли их висячими ушками, поскольку по внешнему виду они действительно напоминали треугольные свиные уши, и к тому же были такими же резиновыми. Хотя, вообще-то, довольно вкусными. Кроме того, там стоял такой специальный аппарат для изготовления мягкого мороженого. Так вот, однажды кто-то убедил Пронто, что висячие ушки с мороженым – вкуснейшее блюдо, которым многие в США лакомятся на Рождество. И он одно время доверчиво уплетал все это за обе щеки. Как-то ночью я застала его за поздним ужином: полной тарелкой жареной ветчины с мороженым. – Так он что же, был дебилом?

– Во все нет, просто большой ребенок. Вообще-то, насколько я помню, во всем, что касалось работы, он был довольно сообразительным. Я уже рассказывала, что он получил образование инженера. Правда, в повседневной жизни относился к тому типу людей, которые все принимают за чистую монету и даже не представляют себе, что окружающие могут над ними подшучивать или же беззастенчиво обманывать.

– А в чем состоял круг обязанностей Пронто на базе?

Медсестра покачала головой – этого она не помнила. Полина Берг подвела итоги:

– Значит, пилот вертолета, который доставил Мариан Ньюгор с базы в Сёндре Стрёмфьорде на DYЕ-5 13 сентября 1983 года – то есть в день ее исчезновения, – был известен под прозвищем Пронто.

– Да, верно.

– Когда ты последний раз видела этого Пронто?

– Он уехал незадолго до меня. По всей видимости, это было в начале 1984 года, поскольку сама я вернулась оттуда в марте. С тех самых пор я его и не видела.

– Где я могла бы найти кого-нибудь, кто знает настоящее имя Пронто?

– Думаю, это не так уж сложно. Многие из тех, кто побывал на базах в тот период, до сих пор видятся – эти встречи стали у них чем-то вроде культовых мероприятий. Сама я уже давно на них не хожу, однако существует такой сайт *modnord.dk*, на котором можно узнать его настоящее имя, поскольку, помнится, напротив него в скобках указано прозвище. Если тебя это интересует, то там же можешь отыскать и кое-какие фотографии. О, нет, только не это!

Она с досадой стукнула по рулю и начала притормаживать. Перед ними у обочины выстроилась внушительная очередь припаркованных автомобилей, и мотоциклист из дорожной полиции властным жестом призывал их занять место в самом ее конце.

– Чертов 77-й пункт! Это будет уже второй раз за месяц.

– Не останавливайся и подъезжай прямо к нему.

Патронажная медсестра послушно выполнила указание. Полина Берг вышла из машины, показала инспектору свое удостоверение и начала оправдываться. Чуть погодя она вернулась к автомобильчику своей собеседницы, которая тем временем опустила боковое стекло.

– Что ж, большое спасибо, ты очень мне помогла. Можешь спокойно ехать дальше.

– И тебе спасибо. Надеюсь, ты разыщешь убийцу Мариан. Бедняжка не заслужила такой участи.

Девушка проводила отъехавший автомобиль долгим взглядом. Вероятно, думала она, ей стоило ответить, что подобной участи не заслуживает никто.

Восемь часов спустя Полина Берг лежала в ванне, с наслаждением зачерпывая пригоршнями пышную пену и чувствуя, как горячая вода постепенно наполняет теплотой измученное дневными хлопотами тело. Дверцу в ванную комнату девушка оставила распахнутой настежь, и когда услышала, как открылась, а затем снова хлопнула входная дверь, на ее очаровательном лице появилась лукавая улыбка. Она, не торопясь, приняла тщательно продуманную позу: золотистые волосы легли на воду вокруг головы пышным ореолом, а одна рука в расслаблен-

ной истоме свесилась через край ванны. При этом миллионы белоснежных пенных пузырьков целомудренной фатой прикрывали ее полную наготу, о которой свидетельствовало кокетливо выставленное напоказ идеальной формы колено.

– Привет, Арне! Хорошо, что ты прочел мое сообщение, а то я все еще никак не выйду из ванны. Прости, но сегодня мне здорово досталось.

Не дождавшись ответа, она вновь окликнула гостя:

– Арне, что ты там делаешь?

И на этот раз никто не отозвался. Ощувив смутное беспокойство, девушка резко выпрямилась, полностью испортив тем самым с таким искусством созданный образ.

– Сейчас же прекрати меня дразнить! Уже совсем не смешно, и мне это абсолютно не нравится!

Все это Полина прокричала изо всех сил, и на мгновение ей показалось, что в коридоре, ведущем к ванной комнате, мелькнула какая-то тень. Затем она снова услышала стук входной двери и почувствовала приступ панического страха. В этот самый миг и раздался знакомый голос:

– Полина, ты где? Что-то случилось?

Когда его фигура возникла в проеме двери, паника уступила место гневу.

– Ты что творишь?! Почему мне не отвечаешь? Я ведь до смерти перепугалась!

– Просто я забыл в машине ящик с инструментами. Эге, да ты, никак, еще в ванне?!

Поскольку пронизанный негой образ был уже безнадежно утрачен, она даже не попыталась склеить его остатки. – А то ты сам не видишь!

– Я прочел твое сообщение. Да уж, нечего сказать, сегодня ты потрудились на славу! А дом и вправду хорош. Можно, я здесь немного осмотрюсь, пока ты там закончишь? – Погоди немного. Эти цветы – что, мне?

– Ну, я тут подумал, надо же что-то подарить на новоселье...

– Какая красота! Спасибо тебе. Может, пока положишь их в раковину и нальешь туда немного воды? Я потом попытаюсь отыскать для них вазу в этом бедламе.

Смирившись с тем, что дом он сможет посмотреть и позже, Арне покорно выполнял ее указания. В том числе и просьбу присесть на стул у ванны. Полина рассказала ему о своем визите к патронажной медсестре в Роскилле и о сайте, на котором ей удалось отыскать пилота вертолета. – Кстати, на всякий случай я все же перепроверила – это точно он.

– Что значит «перепроверила»?

– Помнишь, тот сотрудник DYE-5 в инвалидном кресле? Я съездила к нему в Эстербро. Довольно странный субъект – отвязаться от него практически невозможно. Тем не менее он ни секунды не колебался. В Роскилле я специально зашла в местную библиотеку, сделала ксероксы фотографий двенадцати наугад выбранных людей и поместила среди них фотографию пилота. Он с первого же раза выбрал именно ее.

– Да-а, Полина, ничего не скажешь – просто гениально. Представляю себе, как все завтра будут удивлены! Но сегодня вечером ты обязательно должна позвонить Симону, разумеется, если еще этого не сделала.

– Зачем это?

– Так у нас заведено, если удастся отыскать что-то действительно важное.

– О'кей.

– Да, а я, между прочим, разговаривал с Гренландией. Они там нашли наконец-то остатки DYE-5, так что в смысле ее координат ты оказалась совершенно права.

– Вот видишь, какая я умница?!

Она довольно фыркнула.

– Кстати, знаешь, на каком расстоянии находится это место от того, прежнего?

– По моим подсчетам – в 31 километре.

- У них получилось 31,3 километра.
- Что ж, ладно, так и быть, уступаю эти 300 метров Гренландии.

Полина дунула на ладонь, и клочок пены перекочивал оттуда прямо на щеку Арне. Тем временем девушка незаметно пальцами ноги вытащила пробку из ванны.

Глава 7

После первого же звонка дверь дома Ингрид Томсен распахнулась, однако ни слова приветствия в свой адрес со стороны стоящей на пороге хозяйки Конрад Симонсен с Графиней не услышали. Молча смерив их угрюмым взглядом, она резко повернулась и прошла вглубь дома, оставив, правда, дверь открытой в знак того, что они могут войти.

Комната несколько не изменилась с тех пор, как Конрад Симонсен побывал здесь впервые десять лет назад. Мелкие характерные детали, которые он со временем успел уже позабыть, теперь вновь всплыли в памяти, навевая грустные мысли. Подоконники из искусственного розового мрамора, явно несочетающиеся с цветистыми шторами. Разновысокие навесные полки с тщательно подобранными по форме и размеру, покрытыми лаком морскими раковинами. Над диваном – фигурка Иисуса в усеянной драгоценными камнями пурпурной мантии и с непропорционально большим нимбом над головой. И, наконец, ее руки. Костлявые, как и вся она, красные, сильные, привыкшие к физическому труду. Она беспрестанно медленно и методично потирала их одну о другую, как будто стремясь стиснуть ладонями свою неизбывную боль. Так это выглядело тогда, так было и сейчас. Сделав над собой усилие, главный инспектор оторвал глаза от рук хозяйки и, взглянув ей в глаза, несколько более поспешно, чем следовало, изложил ей цель их визита. Женщина выслушала его молча, воздержавшись от каких-либо комментариев.

Они оба присели на диван, тогда как Графиня предпочла устроиться на стуле за обеденным столом в другом конце комнаты. В беседу она не вмешивалась. Время от времени Конрад Симонсен бросал в ее сторону быстрый взгляд, и каждый раз при этом ощущал прилив раздражения от того, что она не осталась в машине. Все это и так было невероятно сложно, и присутствие лишних слушателей вовсе не упрощало ситуацию. Он рассказал о том, что произошло в Гренландии, а после этого перешел к сравнению обстоятельств убийств Мариан Нюгор и Катерины Томсен. Дважды, сам того не заметив, он путал имена жертв. Хозяйка слушала его с отчужденным видом, по-прежнему храня ледяное молчание. Ноги у главного инспектора ныли и чесались, казалось, сильнее, чем когда бы то ни было. Невероятно, однако сейчас он, можно сказать, был этому даже рад: физическое недомогание странным образом отчасти уравновешивало его нравственные мучения. Внезапно Ингрид Томсен прервала его:

– Да, что было – то было.

Это были ее первые слова с тех пор, как они вошли в ее дом. Голос у женщины был нежным и мелодичным, что удивительно не вязалось с ее внешностью. Это Конрад Симонсен также успел забыть. Она снова повторила свою мысль, на этот раз, правда, чуть расширив ее:

– Что было – то было. Теперь уже ничего не поделаешь.

Не зная, что сейчас лучше, продолжить свой монолог или замолчать, Конрад Симонсен выбрал последнее. Наступила долгая мучительная пауза, в продолжение которой он время от времени пытался заглянуть ей в глаза. Наконец Ингрид Томсен продолжила:

– Что тебе, в сущности, надо? Получить от меня прощение за то, что вы сделали с Карлом Хеннингом? Ты за этим сюда явился? Или, может, ждешь от меня сочувствия?

Конрад Симонсен и сам множество раз задавал себе вопрос об истинной цели этого визита и каждый раз оказывался не в силах дать на него сколько-нибудь разумный ответ. Разумеется, это было правильно – прийти к ней лично и признать, что полиция и он сам в свое время допустили ошибку, выдвинув обвинение против ее мужа. Однако разве не хотелось ему получить от этого посещения чего-то большего? Может, как она и сказала, он ждал от нее прощения – в той или иной форме? Он так и не успел ответить – внезапно женщина перестала потирать руки и резко с силой опустила широкие ладони на столешницу прямо перед собой. Звук вышел не особо громким, однако главный инспектор нервно вздрогнул от неожиданно-

сти. – Карл Хеннинг и Катерина покоятся на кладбище в Усле под каштаном как раз напротив автомобильной стоянки. Если хотите, можете пойти и переговорить об этом с ними.

Конрад Симонсен встал и спокойно сказал:

– Я не фабриковал улики против твоего мужа – по всей видимости, это сделал тот, кто убил Катерину. И я не убивал твоего мужа – он сам решил так поступить.

– Ты просто делал свою работу.

Он продолжал сохранять спокойствие и никак не реагировал на ее сарказм:

– Да, вот именно. Я делал свою работу. К сожалению, не лучшим образом, поскольку допустил ошибку, которая привела к несчастью. Но при этом – я все же просто делал свою работу.

Провожать их Ингрид Томсен не стала.

Доковыляв до машины, главный инспектор снял ботинки и плюхнулся назад, задрал ноги на сиденье. Зуд в лодыжках понемногу начал стихать. Графиня села за руль и двинулась к выезду из городка. Когда дома стали попадаться все реже и реже, она осторожно спросила:

– Что, хочешь съездить на это кладбище?

– Нет, на кладбище не поедem, а вот если увидишь какой-нибудь кабаk – останови. Мне сейчас просто необходимо выпить кружечку пива и выкурить сигарету.

На миг обернувшись, она с улыбкой взглянула на него и снова сосредоточила внимание на дороге.

– Что ж, превосходно.

– А потом – еще кружечку и еще сигарету.

Последнее прозвучало по-детски капризно. Графиня вновь улыбнулась, на этот раз не оборачиваясь. И начала высматривать подходящее заведение.

Глава 8

– Андреас Фалькенборг!

Низкий хриплый голос Конрада Симонсена заполнил собой все помещение кабинета, проник в каждый его уголок, гулко отдаваясь в ушах присутствующих. Полина Берг встрепенулась, решив, что наконец-то сейчас ей воздадут должное за вчерашние достижения. Арне Педерсен и Графиня ограничились тем, что молча кивнули, Поуль Троульсен и вовсе никак не отреагировал.

– Пилот вертолета, инженер-электронщик и, возможно, двойной убийца. Это все, что на настоящий момент нам о нем известно. Так что сегодняшняя наша задача будет крайне простой: необходимо узнать о нем все. Арне и Поуль, вы займетесь изучением его жизни в Дании. Сформируйте рабочие группы и распределите между ними задания. Прежде всего, меня интересует его связь с убийством Катерины Томсен. А именно: где и как они встретились, какие отношения их связывали? Кроме того, фальшивые улики против ее отца – каким образом и когда он ухитрился их сфабриковать? Попытайтесь также раздобыть его фотографию – желательно поновее, а если не сумеете, сфотографируйте его, только незаметно. Сегодня утром я уже отправил людей проследить за ним – может, они уже сделали какие-нибудь снимки. Да, и если надумаете отлучиться из ШК ¹¹, я бы хотел быть в курсе, где вас найти.

Арне Педерсен сонно кивнул, Поуль Троульсен продемонстрировал свое согласие, показав шефу большой палец. – Стало быть, мы уже установили за ним слежку? – спросил он.

– В той или иной степени. Мы скрытно отслеживаем, чем он занимается, однако об организации интенсивного наблюдения речь пока что не идет.

– А почему бы сразу не организовать интенсивное наблюдение? Не очень-то здорово, когда такие типы, как он, разгуливают без присмотра.

– Я тоже от этого не в восторге. Но ничего, скоро и людей, и средств у нас прибавится. Обещали даже что сегодня, в течение дня.

Поуля Троульсена, похоже, такое объяснение удовлетворило. Конрад Симонсен продолжал:

– Графиня, тебе достается Гренландия. По сравнению с периодом, которым займутся Арне и Поуль, там он пробыл совсем недолго, однако вплоть до настоящего момента работа на базе в Сёндре Стрёмфьорде – единственный момент в его жизни, о котором мы знаем хоть что-то конкретное. Тебе предстоит покопаться в его прошлом и нарыть для суда как можно больше убедительных улик, связывающих фигуранта с убийством Мариан Нюгор. Кроме того, мне хотелось бы знать, контактировал ли он с ней в Дании, или же они впервые встретились на Гренландии? Используй Тронда Эгедэ – он наверняка сможет помочь, – а вот обращаться с официальными запросами к американцам я тебе запрещаю. Ни к властям авиабазы в Туле, ни в другие инстанции – до тех пор, пока я сам не попрошу тебя об этом. И точно так же, как Арне и Поуль, – без моего ведома ты никуда не должна отлучаться отсюда. Ты меня поняла?

Графиня жестом подтвердила понимание того, что от нее требуется, и Конрад Симонсен повернулся к Полине Берг.

– Полина, твои вчерашние достижения я бы назвал шедевром розыскной работы. Поэтому сегодня я подготовил для тебя не особенно сложные, но в то же время самые что ни на есть важные поручения. Прежде всего, тебе предстоит выяснить, известен ли Андреас Фалькенборг кому-либо из свидетелей по делу об убийстве близ Стевнс Клинт. Их, правда, довольно много, но я верю, что ты разберешься. Особенно мне бы хотелось знать, знаком ли он кому-нибудь из Свидетелей Иговы – ведь он вполне мог воспользоваться этим в качестве

¹¹ ШК – штаб-квартира.

подхода к Катерине Томсен. Далее мне нужно, чтобы ты просмотрела все дела об исчезновении на территории страны женщин в возрасте от 15 до 35 лет, начиная с 1968 года. Разыщи фотографии и сравни их внешность с внешностью Мариан Ньюгор и Катерины Томсен. Если будут похожие, пробей, не пересекались ли они с Андреасом Фалькенборгом – в этом тебе поможет досье, которое будет на него составлено. Понятно?

Полина Берг осталась довольна. Самые что ни на есть важные поручения. Слова эти так и ласкали ее слух.

– Будет сделано.

– То обстоятельство, что убитые женщины так похожи друг на друга, может, конечно, быть и случайностью, однако сходство их так разительно, что, полагаю, это имеет определенное значение. Во всяком случае, это тянет на рабочую версию.

– Согласна.

– Отлично. И, кстати, еще одно – в два часа состоится пресс-конференция. Ты не будешь против составить Арне компанию?

– Да, но я еще никогда не участвовала в подобных мероприятиях.

– Это несложно, просто не говори им ничего.

Конрад Симонсен поднялся со своего места и встал у окна.

– Теперь о том, что касается всех: запрещаю какие-либо прямые контакты с Андреасом Фалькенборгом. В данный момент я не хочу, чтобы он знал, что находится в поле нашего зрения. Да, и еще один момент или, скорее даже, деталь: Мальте и Графиня убедили меня, что в процессе воссоздания картины жизни подозреваемого разумнее будет использовать не информационную доску, а компьютер. Мальте создаст специальный сайт – разумеется, закрытый, – который по идее должен пополняться по мере поступления новых сведений. Он по электронной почте вышлет вам инструкции, как этим сайтом пользоваться, и каждый, кроме всего прочего, сможет самостоятельно отслеживать, как далеко мы продвинулись. Как вам известно, сам я довольно консервативен во всем, что касается различных благ информационного общества, однако в данном случае согласен на такой эксперимент.

– Не эксперимент, а единственно правильный способ.

Комментарий Арне Педерсена натолкнулся на сердитый взгляд Конрада Симонсена, однако Арне лишь невозмутимо ухмыльнулся. Главный инспектор между тем подвел итоги:

– Мальте должен был уже подойти, так что, надеюсь, через четверть часика он все же будет. Ну, а вы можете начинать, если, конечно, ни у кого нет вопросов...

Он сделал паузу и оглядел сотрудников.

– А их, похоже, нет. Что ж, прекрасно, желаю вам успешно потрудиться. Полина, а ты задержишься, мне надо кое-что обсудить с тобой.

Мужчины встали и покинули кабинет, а Полина Берг осталась сидеть, теряясь в догадках, как именно – позитивно или негативно – следует истолковывать приказ начальства задержаться. Впрочем, долго гадать ей не пришлось. – Сколько времени прошло с момента, как ты впервые натолкнулась на имя Андреаса Фалькенборга, до того, как я тоже его узнал?

Она попыталась было вывернуться:

– Ну, так точно и не скажешь...

– Пожалуйста, в часах и минутах, и будь добра, без всяких экивоков. На них у меня попросту нет времени.

– Девять часов с минутами.

– Что ж, практически совпадает с тем, что я сам насчитал.

Он подошел поближе, встал у девушки за спиной и положил руку ей на плечо.

– Вообще-то, Полина, мне следовало тебя хорошенько высечь – рассказать о том, что люди с ног сбились, бегая вчера вечером по адресам всех бывших сотрудников DYE-5, чего, к счастью, удалось избежать, поскольку Арне проявил большую, нежели ты, ответственность.

Однако у меня нет ни времени, ни желания устраивать тебе порку. Кроме того, вчера вечером я беседовал с Графиней, и она убедила меня, что работа с личным составом и разного рода воспитательные беседы не относятся к числу моих сильных сторон. Так что вместо всего этого я просто хочу тебе сказать...

В этот момент, тяжело дыша и обливаясь потом, в кабинет ворвался Мальте Боруп; в одной руке у него был ноутбук, в другой – упаковка кока-колы. Конрад Симонсен немедленно выставил его и продолжил выволочку – правда, в более быстром темпе и слегка менее строго, чем планировал поначалу.

– Ты когда-нибудь задумывалась, почему тебя взяли на работу в отдел убийств, а также почему практически с первого твоего дня здесь тыходишь в число тех немногих, с кем я чаще всего беседую? Ведь не только же из-за твоего интеллекта и смазливой мордашки?

Полина Берг отчаянно покраснела.

– Не знаю, что и ответить.

– Поскольку ты молода и честолюбива. В силу своего возраста ты обладаешь такой свободой мышления, которой зачастую не хватает нам, остальным, а что касается честолюбия, то оно необходимо любому, кто стремится сделать карьеру, – в противном случае процесс ученичества может растянуться на долгие годы. Когда мне было 27, я мечтал в одиночку раскрыть какую-нибудь тайну, я искренне полагал, что идеи мои уникальны, и ни с кем ими не делился. Позже выяснилось, что все мои коллеги-ровесники придерживались того же мнения.

– Со мной – практически та же история.

– Что ж, понятное дело, значит, в данном отношении немного изменилось. Так вот, с тех пор я понял, что в нашем деле полностью брать на себя всю инициативу можно только в том случае, если за все приходится расплачиваться исключительно лишь тебе одному. Кроме того, я научился докладывать о добытых мною важных сведениях своевременно – а это значит, спустя приблизительно две минуты после их поступления ко мне. Истины ради следует признаться, что наука эта, к сожалению, далась мне нелегко: однажды я два дня скрывал ото всех имя предполагаемого убийцы, пока мой шеф не разоблачил меня. И знаешь, что произошло?

Она покачала головой.

– Я получил такую взбучку, что у меня чуть не выпали все волосы. Тут, кстати, следовало бы отметить, что в данном отношении со временем изменилось многое. Посмотри-ка на меня, Полина.

Девушка послушно подняла глаза.

– В следующий раз – а я не сомневаюсь, что он будет, ибо вне зависимости от нынешнего разговора вчера ты доказала, что можешь работать блестяще, – так вот, в следующий раз информировать меня обо всем немедленно. Договорились?

– Да, конечно, договорились. Прости меня.

– Хм, а мне-то казалось, что только я в состоянии произносить это слово. Ладно, ступай работать и начни с подготовки письменных отчетов о твоих вчерашних допросах обоих свидетелей, если ты еще этого не сделала.

Полина встала и пошла к двери, чувствуя, что еще дешево отделалась. На пороге она обернулась:

– Спасибо.

– Если сотрудник благодарит после того, как получил от меня нагоняй, значит, я старею. Иди уж.

Не успела Полина Берг выйти, как дверь кабинета снова распахнулась. Парадоксально, однако Графиня – а это была она – явилась к Конраду Симонсену с просьбой как раз о том, что он несколькими минутами ранее клеймил как недопустимые методы работы. Не тратя времени, Графиня сразу же перешла к делу:

– Придется тебе, Симон, в этом деле ненадолго спустить меня с поводка. Есть одна версия, которую мне просто необходимо проверить сначала самой.

– И что это за версия?

– Это не займет много времени – всего лишь до конца недели. И можешь быть уверен, я сразу же проинформирую тебя, если возникнет такая необходимость.

– А сейчас, насколько я понимаю, такой необходимости нет.

– Нет, лучше не сейчас.

Она улыбнулась и прибавила с просительной интонацией:

– Не так уж часто я прошу тебя о чем-то. По-моему, так вообще впервые.

Шеф что-то недовольно пробурчал, однако затем, пусть и нехотя, подтвердил свое согласие, поспешив, правда, прибавить:

– Но я оставляю за собой право изменить решение, если ситуация обострится, и я не смогу обойтись без тебя. Кроме того, я хочу, чтобы сегодня, когда мы разрабатываем этого Андреаса Фалькенборга, ты была рядом. Между прочим, десять минут назад я сделал Полине выговор за излишнее стремление работать в автономном режиме.

Графиня скептически хмыкнула.

– Не похоже что-то, чтобы она сильно расстроилась.

– Я старался быть как можно мягче. Когда мы закончим с этим пилотом вертолета, можешь заняться, чем хотела. Только учти, с коллегами будешь объясняться сама. – А теперь – проваливать?

– Вот именно. Вон из кабинета, и дай мне наконец заняться тем, за что мы получаем нашу чертову зарплату!

Глава 9

День выдался продуктивным, и впервые за время, прошедшее после поездки на Гренландию, Конрад Симонсен почувствовал, что окончательно пришел в себя. Хотя и нельзя было сказать, что вчерашний визит к Ингрид Томсен прошел особо успешно, все же после его окончания инспектор почувствовал, что с души у него как будто свалился камень. Кроме того, почти получасовое общение по видеосвязи с дочерью также изрядно подзарядило его подсевшие батарейки. Вечером, как договаривались, он должен был собрать кое-какую одежду и на время переехать к Графине, и, к собственному изумлению, даже со своего рода нетерпением ждал этого. Сейчас же он полностью отдавался работе.

Постепенно – кусочек за кусочком, как фрагменты мозаики, – жизнь Андреаса Фалькенборга складывалась в единое целое и, проходя через руки Мальте Борупа, фиксировалась на созданном им специальном сайте. Взаимодействие между студентом и начальником убойного отдела протекало на удивление гладко. Поначалу Конрад Симонсен опасался, что в силу своей технической неграмотности не потянет и не сможет как раньше, при использовании информационной доски, держать в руках все нити, однако почти сразу же выяснилось, что все его страхи напрасны. Уже одно то обстоятельство, что Мальте Боруп постоянно сомневался, какие сведения следует отнести к разряду важных и включить в схему, а какие можно архивировать с вероятной ссылкой на них в качестве второстепенного материала, постоянно требовало от шефа отдела убийств принятия решений по поводу значимости фактов, что, в свою очередь, делало его ровно настолько же информированным, насколько он привык быть в подобного рода ситуациях. Вдобавок он освобождался от целой кучи чисто механической работы, что позволяло ему сосредоточиться на более весомых вещах – а именно, при содействии Арне Педерсена и Поуля Троульсена манипулировать имеющимися в его распоряжении ресурсами, а также решать, кто из его людей чем займется.

Мальте Боруп озвучил первую поступившую информацию об Андреасе Фалькенборге:

– Родился в 1955 году в Хиллерёде ¹², вырос в местечке Хольте к северу от Копенгагена; после школы поступил в гимназию, которую окончил в 1972 году, и в том же году стал студентом Датского высшего технического училища, в скобках: ныне ДТУ – Датский технический университет. По окончании его – с хорошими оценками – получил в 1979 году диплом инженера по специальности, связанной со звуковыми волнами. Ну как, правильно? Там еще много чего сказано об его успехах. Это тоже вносить?

– Нет, сделай ссылку и пометь в скобках ДТУ.

– Нужно разносить отдельные предметы, которые он там изучал, по хронологии?

– Было бы здорово, а можно дать их список другим шрифтом?

– Я сделаю его на сером фоне.

Мальте Боруп записывал, Конрад Симонсен размышлял, и уже вскоре такое разделение труда принесло первые плоды.

– Мальте, если я не ошибаюсь, в его учебе есть перерыв – 1977 год.

– Никакой ошибки. Действительно, в том году он не сдавал никаких экзаменов.

– Пошли Арне mail или sms – я бы хотел знать, чем он занимался в этом году. Все прочие его экзамены выглядят прямо один к одному – он сдавал их регулярно и с неизменно отличными результатами, – видимо, что-то тогда произошло.

Студент заклацал клавиатурой.

– На всякий случай я послал и mail, и sms. А вот, я вижу, готов список мест, где он проживал.

¹² Хиллерёд – предместье Копенгагена.

- Ну-ка, прочти, но не адреса – только города.
- Итак: Хольте, то есть дома, – до 1973, общежитие в Люнгбю ¹³ – до 1979, а после этого и до сегодняшнего дня – четыре различных адреса в Копенгагене и пригородах: Фредериксберг, Эстербро, Драгёр и, наконец, снова Фредериксберг. Даты переездов называть?
- Нет, спасибо, но выпиши их по хронологии и свяжи с конкретными адресами.
- А пребывание на дачах?
- Их тоже включи. Ты сказал «на дачах»? У него, что же, их много?
- Одна в районе Прэстё ¹⁴, старая, ей он владеет уже много лет и сейчас сдает. Еще один летний домик в Лиселяйе ¹⁵ и один – в Швеции, правда, их он уже продал.
- Зафиксируй, когда он их покупал и продавал, и сделай сноску от адресов.
- Йес, босс. А как быть с Гренландией? В то время за ним по-прежнему оставалась квартира во Фредериксберге, та, первая.
- По поводу Гренландии сделай отдельную страничку, укажи дату, когда он туда отправился, и сделай ссылку. – Даты я не знаю – от Графини пока что так ничего и не поступало, но есть одна странная информация о некоем доме.
- Что за информация?
- В 1986-м, нет, извини, в 1996 году, в декабре, он покупает первый этаж некоего дома в Рёдовре ¹⁶, а затем в январе 1997 года снова его продает, теряя более 40 000 крон. В подтверждение – масса сканированных копий различных бумаг.
- Да уж, интересный факт. Запиши одной строчкой «покупка дома» и «продажа дома» и поставь отсылку на копии документов. А не мог бы ты создать особый файл для невыясненных вопросов и поместить туда пока что «перерыв в учебе в 1977» и «дом в Рёдовре 1996/1997»?
- Сделаю.
- А как насчет мест его работы, помимо Гренландии? Я имею в виду, ведь он должен был где-то зарабатывать деньги все это время.
- Он владеет собственной фирмой – у меня есть все данные о ней из налогового управления начиная с 1973 года. Они только что поступили, так что, если хочешь, могу рассказать, сколько он зарабатывал.
- Да, хотелось бы знать. Позже, когда немного освободишься, составь электронную таблицу за весь период времени и перешли мне ее в виде столбчатой диаграммы.
- Хорошо, я пометил. За прошлый год он получил доходы в районе 900 000 крон. Конрад Симонсен присвистнул.
- И это – обычное дело или же уникальный случай?
- Когда как, бывали годы, когда он зарабатывал даже больше, а иногда – почти совсем ничего.
- А откуда-нибудь можно понять, чем конкретно занимается его фирма?
- Погоди-ка минутку, сейчас посмотрю, хотя нет, не теперь... Поуль Троульсен ведет сюда какого-то свидетеля. И поступила новая информация из Гренландии.
- Не успел Конрад Симонсен ответить, как дверь распахнулась, и в кабинет в сопровождении высокого худого мужчины вошел Поуль Троульсен.
- У меня есть кое-что, Симон, что ты непременно должен услышать. Это быстро – и это важно. Будь добр, присядь-ка тут.
- Последнее относилось к его спутнику, который робко прошел вглубь кабинета и присел за небольшой журнальный столик. Конрад Симонсен так же безропотно последовал за ним,

¹³ Люнгбю – пригород Копенгагена.

¹⁴ Прэстё – городок на юге острова Зеландия.

¹⁵ Лиселяйе – городок на северо-западе острова Зеландия.

¹⁶ Рёдовре – пригород Копенгагена.

хотя желудок уже неоднократно напоминал ему, что давно пора перекусить. Поуль Троульсен не стал терять времени:

– Не будешь ли столь любезен повторить начальнику отдела расследования убийств главному инспектору Конраду Симонсену все, что ты рассказывал мне?

Заметно было, что пышный титул возымел действие – мужчина с уважением посмотрел на Конрада Симонсена и слегка поежился.

– Да, но это дело такого интимного свойства. Мне бы не хотелось его афишировать.

Конрад Симонсен проследил его взгляд, направленный на Мальте Борупа, который, склонившись над клавиатурой, с головой ушел в работу.

– Мальте, сделай перерыв – пойдешь очаруешь еще парочку юных сотрудниц.

Мальте Боруп не заставил себя долго упрашивать. Он уже привык к тому, что начальник может выставить его вон, когда ему только заблагорассудится. Поуль Троульсен между тем ободряюще кивнул мнущемуся мужчине:

– Не стоит смущаться. Ты ведь не совершил ничего противозаконного, а мы здесь много чего слышали и уже привыкли не судить людей особо строго за их случайные поступки.

Посетитель заговорил, и в противоположность его неуверенной манере держаться рассказ его оказался на удивление ясным и стройным.

– Два года назад у меня появились подозрения, что моя тогдашняя супруга во время моих отъездов изменяет мне с другим. По роду моих занятий мне приходится путешествовать по всему миру и часто случается, что я месяцами не бываю дома. Например, в данный момент я занимаюсь строительством нового терминала внутренних авиалиний в аэропорту в Дубае и в Данию прилетел всего лишь на три дня. Ну, так вот, я обратился к Андреасу Фалькенборгу, который, как я узнал, является специалистом по данным вопросам. Мы встретились с ним и оговорили условия, которые, в общем-то, состояли в том, что во время моего пребывания за границей он установит наблюдение за моей женой. Он назвал цену – 60 000 крон в неделю с предоплатой за три недели, – и я на нее согласился. Эту сумму мне предстояло выплатить ему наличными без каких-либо расписок и прочей бумажной волокиты.

– Кругленькая сумма! – вставил Конрад Симонсен.

– Он пользуется репутацией одного из лучших в своей области, абсолютно надежен и гарантирует максимум конфиденциальности. А это всегда дорого стоит. Кроме того, я могу себе это позволить – я тоже совсем неплохо зарабатываю.

– Ты говоришь, Андреас Фалькенбург пользуется репутацией специалиста. А откуда ты о нем узнал?

Мужчина со вздохом огорченно развел руками:

– Думаете, у меня одного такие проблемы? Я никогда не считал себя таким красавцем, чтобы женщины пачками падали ко мне на грудь, но если ты некрасив, это еще не значит, что ты должен быть глуп.

– Да-да, разумеется, особенно, раз ты так считаешь, но как тебе все же удалось выйти на Андреаса Фалькенборга? Можешь немного подробнее остановиться на этом?

– Я являюсь членом одной социальной сети в интернете – надо сказать, довольно-таки элитарной сети – и разместил там свой вопрос. Вскоре я получил его адрес и телефон.

– А что это за сеть?

– В нее входят люди, занимающие высокие посты на ответственных работах. Почти все члены ее – мужчины, и для вступления туда требуются рекомендации двух участников.

– Каковы ваши цели?

– Оказывать друг другу посильную помощь. Так сказать, своего рода виртуальная ложа.

– О'кей, теперь, кажется, понятно. Где вы с Андреасом Фалькенборгом встречались?

– В ресторане торгового центра Люнбю.

– Сколько раз?

– В общей сложности три. Одна предварительная встреча, одна – когда я заплатил ему задаток, и одна заключительная, где он передал мне результаты своей работы, и мы произвели окончательный расчет.

– И все три раза в одном и том же месте?

– Да, в том же месте.

– Какое он производил впечатление?

– Весьма благоприятное. Быть может, он вел себя слегка... как бы это лучше сказать? Ребячливо, что ли. Но в целом – вполне приятное впечатление. Разумеется, вы понимаете мое состояние в той ситуации, особенно во время нашего знакомства – я довольно сильно нервничал, однако ему удалось заставить меня расслабиться. Он и вел себя так же, как работал, уверенно, без суеты и как-то обыденно, что ли? Мы с ним сидели и как будто болтали о пустяках – я имею в виду, он не делал никаких записей и тому подобных вещей. Он мне сразу же рассказал, что в большинстве случаев, когда существуют такие подозрения, как были у меня, худшие опасения оправдываются, и, к сожалению, так и вышло. Во время нашей последней встречи, которая, как сами понимаете, вышла для меня не особенно приятной, он также вел себя весьма тактично. На решение поставленной ему задачи он потратил лишь шестнадцать дней и хотел вернуть мне 14 000 крон, однако я их не взял. В общем, должен сказать, я остался весьма доволен нашим сотрудничеством, и если бы мне когда-нибудь – боже упаси! – вновь пришлось оказаться в подобной ситуации, я, ни минуты не сомневаясь, обратился бы за помощью именно к нему.

Конрад Симонсен подумал, что мужчина не был бы столь категоричен, знай он, что супруга его могла окончить свои дни в пластиковом мешке. Некоторое время он раздумывал, не расспросить ли поподробнее о том, что такого ребячливого отметил для себя собеседник в Андреасе Фалькенборге, однако потом решил оставить это Поулю Троульсену. Он с трудом встал, давая тем самым понять, что разговор окончен:

– Искренне рад, что...

Поуль Троульсен перебил его, не дав продолжить:

– Есть еще кое-что, Симон. Собственно говоря, ради этого мы и пришли. Думаю, тебе лучше снова сесть.

Конрад Симонсен послушался и сел; мужчина между тем неуверенно спросил, обращаясь к Троульсену:

– Речь идет об этой магнитной карте, да?

– Верно.

– Дело в том, что я установил у себя дома охранную систему, причем, если верить экспертам, одну из самых продвинутых. Разные там сирены, сенсоры, видеонаблюдение, сверхнадежная система контроля доступа с выходом на пульт охранной фирмы. Мне гарантировали такой же уровень безопасности, как в банках. Дело вовсе не в том, что я больше, чем прочие, опасаюсь проникновения в мое жилище. Просто у меня есть неплохое собрание живописи, которое стоит немалые деньги, и если не представить убедительных доказательств, что картины надежно охраняются, мне не удастся их застраховать. Так что не считайте меня параноиком.

– Забота о сохранности своего имущества – какая же это паранойя?

– Вот и я так думаю. Однако, когда люди из охранной фирмы устанавливали все эти свои штуковины, они также сменили и замки на входной двери, и с тех пор вместо обычных ключей мне приходится пользоваться магнитной картой. Разумеется, вам такая система знакома.

Оба его слушателя подтвердили, что такая система им известна, и мужчина продолжал:

– Во время нашей первой встречи Андреас Фалькенбург попросил меня дать ему такую карту, что я и сделал, когда увиделся с ним повторно.

Конрад Симонсен удивился:

– Несмотря на то, что вы с ним были едва знакомы, ты вот так просто взял и вручил ему ключи от своего дома? – Может, я и кажусь слишком доверчивым, однако, с другой стороны, вздумай он покуситься на какие-нибудь мои вещи, он бы моментально разрушил имидж своей фирмы. Я имею в виду – тогда бы никто не стал рекомендовать его своим коллегам на том форуме, о котором я вам рассказывал. На создание соответствующей репутации он, должно быть, потратил не один год, а доверие – абсолютно необходимое качество в его профессии.

– Он рассказывал, что именно собирается там у тебя делать?

– Да я как-то не спрашивал, хотя, по-моему, нетрудно догадаться.

– Ну да, ну да. Итак, ты, значит, дал ему магнитную карту, которой открывалась входная дверь?

– То-то и оно, дело все в том, что я и сам так думал, однако потом оказалось, что эта карта не работала. По-видимому, я дал ему аннулированную. Правда, выяснилось это, лишь когда все наши с ним дела были закончены и он вернул эту карту мне.

– Да-а, ситуация. И что он при этом сказал?

– В том-то и дело, что ничего – ни слова. Но то, что карта была недействующая, это абсолютно точно: я сам проверял, когда вернулся домой.

Конрад Симонсен все еще не понимал, к чему клонит собеседник, и с недоумением посмотрел на Поуля Троульсена. Тот кивнул:

– Сейчас увидишь.

Посетитель между тем продолжал:

– Самое удивительное, что он проник в дом без всякой карты. Мне было обещано, что это совершенно невозможно. Однако при нашей последней встрече он продемонстрировал мне пару видеозаписей, а также дал прослушать магнитофонную пленку, на которых моя супруга...

Он умоляюще посмотрел на Конрада Симонсена.

– Вообще-то, мне не очень хотелось бы вдаваться в детали.

– Ну так и не стоит.

– Так вот, я сразу же понял, что он устанавливал свои камеры и микрофоны как минимум в пяти различных местах в доме: в гостиной, столовой, кухне, ванной и... ну, и в нашей спальне. А потом все их демонтировал – это я проверял лично, на всякий случай даже дважды.

– Как он демонстрировал добытые им материалы?

– На ноутбуке – причем только начало каждой записи. Что было дальше, он пересказывал своими словами, и тут я ему благодарен – с его стороны это было весьма тактично.

– А сами записи он что же, так и не отдал?

– Нет, почему же, я получил все на флешке и уверен, что это была единственная копия. Он сам сказал мне об этом, а также позаботился о том, чтобы я сам не смог ничего продублировать.

– И флешка эта по-прежнему у тебя?

– Флешка-то у меня, однако все, что на ней было, я стер. К чему хранить подобные вещи?

Слушатели знаками показали, что придерживаются того же мнения, и больше ни о чем не стали его спрашивать.

Проводив свидетеля, Поуль Троульсен вернулся в кабинет начальника. Шеф его уже приступил к еде – методично пережевывал огромную порцию принесенных из дома овощей. Мальте Боруп снова занял свое место и погрузился в работу. Прежде чем отправить в рот очередную ложку, Конрад Симонсен прожевал то, что было у него во рту, и сказал:

– В сущности, я уже даже привык к этому вкусу и не тоскую по прежней пище. С чем я никак не могу смириться, так это с тем, что времени на еду теперь приходится тратить гораздо больше. Чтобы наестся досыта этими полезными блюдами, приходится порядком потрудиться. Да, это действительно был интересный свидетель, хотя сообщенные им сведения

рисуют перед нами довольно-таки мрачные перспективы. Жутко даже представить себе, что основная работа Андреаса Фалькенборга состоит в организации наблюдения за женщинами. С другой стороны, данный факт прекрасно объясняет появление подслушивающего устройства в квартире Катерины Томсен. В то же время странно, что он его не убрал, однако этим вопросом нам еще предстоит заниматься в ближайшие дни. Кроме всего прочего, меня смущает еще одно обстоятельство. Заявленный им в налоговой декларации годовой доход довольно значителен. Так к чему же тогда ему просить о расчете наличными – ведь от этого за версту несет черной бухгалтерией? Может, ты что-нибудь понимаешь?

– Его отец владел заводом по производству микрофонов, расположенном в Вальбю. В начале семидесятых предприятие изменило свой профиль и от изготовления микрофонов перешло к их импорту и продаже. В 1983 году – то есть как раз, когда Андреас Фалькенборг был на Гренландии – отец его погиб в результате несчастного случая: какой-то там неосторожный выстрел. Теперь владельцами семейного бизнеса стали мать с сыном, и предприятие со временем опять поменяло специализацию. Фирма стала торговать своего рода любительским шпионским оборудованием. Они закупали его оптом, а потом перепродавали мелкими партиями дилерам, присылавшим им заказы по почте, позже – по интернету. Ассортимент поставляемой ими продукции был, что называется, не вполне легальным: там можно было приобрести все, что нужно, скажем, для организации шпионской слежки за соседом или для того, чтобы подглядывать в окно спальни за его дочерью. Сама фирма была небольшой: в различные периоды времени в ней работали от трех до десяти человек. В 1992 году, когда мать Андреаса умерла и он стал единственным хозяином предприятия, он уволил всех сотрудников. Сейчас у фирмы есть лишь свой номер в налоговой инспекции, да еще, вероятно, сохранилась клиентская база. На настоящий момент это все, что мне известно, однако несколько моих людей продолжают заниматься этим вопросом. Надеюсь, еще до конца дня они разродятся более подробным отчетом.

Он посмотрел на Конрада Симонсена, который упорно жевал свою жвачку и потому был лишен способности к вербальному общению. Так и не разобравшись в его мимике, Поуль Троульсен без всякого перехода продолжил:

– К сожалению, у меня есть и одна плохая новость.

Шеф энергично покрутил пальцем в воздухе, и уж этот-то его жест Троульсен понял однозначно.

– Прослушивающее устройство, которое было найдено в квартире Катерины Томсен, исчезло, или, точнее, в настоящее время никто не может его отыскать. Так что единственное, чем мы сейчас располагаем, это ничего не говорящая запись в отчете о том, что было *«обнаружено некое прослушивающее устройство»* – без всяких подробностей, не говоря уже о его описании. Они там перекапывают весь архив и склад, но найдут ли что-нибудь – одному только богу известно.

– Черт подери!

– Да уж, плохо дело. Если нам не удастся накрепко привязать его ко второму убийству, то весьма сомнительно, чтобы мы смогли представить в суде какие-либо веские доказательства его виновности. Убийство на Гренландии произошло уже давно, и я сильно сомневаюсь, чтобы нам удалось возбудить дело исключительно на основании найденных там улик. Кроме того, должен признаться, что мне бы и самому хотелось получить хоть какое-то подтверждение того, что он, по крайней мере, был знаком с Катериной Томсен. Так, для собственного успокоения: хоть я и полностью убежден, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же преступником, все же у меня остаются минимальные сомнения относительно того, является ли им именно Андреас Фалькенборг. Даже несмотря на такое совпадение, как род его занятий и находка подслушивающего устройства в квартире Катерины Томсен. На этот раз мы просто

обязаны отыскать настоящего убийцу, а то, как только я подумаю об этом бедолаге Карле Хеннинге Томсене, мне даже плохо становится. Ну, да не тебе все это объяснять.

Конрад Симонсен между тем невозмутимо продолжал жевать; вид его явно свидетельствовал о том, что он не расположен предаваться совместным воспоминаниям. По сути, с Поулем Троульсеном его связывали исключительно рабочие отношения, и он вовсе не намерен был что-то в этом менять. Поняв это, Троульсен, которому нечего было больше докладывать, покинул кабинет начальства.

В течение второй половины дня то и дело поступало то одно, то другое сообщение, благодаря чему в жизни Андреаса Фалькенборга становилось все меньше и меньше белых пятен. Конрад Симонсен отдавал команды Мальте Борупу, как будто студент был своего рода аналогом компьютера, с которым так прекрасно управлялся.

– Мальте, пару часов назад ты внес в схему его заявления на поездку на Гренландию. Посмотри-ка, когда он их послал.

Клавиатура щелкнула пару раз, и лишь затем последовал ответ:

– Ты имеешь в виду заявления, которые он отправил в «Гринланд Контракторс»?

– Да.

– О'кей, вот они. Тебе нужны все даты? Там в общей сложности семь заявлений – на абсолютно разные должности.

– Нет, давай только первое.

– Датировано 11 марта 1982 года – заявление на замещение вакантной должности дежурного администратора.

– Хорошо, а когда прибыла на Гренландию Мариан Ньюгор? У тебя это где-нибудь зафиксировано?

– Она приступила к исполнению своих обязанностей 4 марта 1982 года, но когда точно она приехала, этого я не знаю.

– Она прибыла туда прямо из «Города стариков»¹⁷?

– Если ты имеешь в виду, не работала ли она в промежутке еще где-нибудь, то – нет, хотя в компьютер занесены еще далеко не все сведения о ней.

– Знаю. Пусть Полина разузнает подробнее о том, как он учился управлять вертолетом – что-то слишком уж быстро он окончил эти курсы. А от Свидетелей Иеговы есть какие-нибудь сведения?

– Нет, зато есть другая информация. Послушаешь?

– Конечно.

– Похоже, что Карл Хеннинг Томсен... понятно, о ком я говорю?

Конрад Симонсен сглотнул слюну и сделал над собой усилие, чтобы ответ прозвучал более или менее спокойно:

– Ну, разумеется, Мальте, еще бы. Так что там с ним?

– Предположительно, Карл Хеннинг Томсен получил заказ от Андреаса Фалькенборга на перевозку грузов. – Предположительно?

– Я и сам пока не пойму, что они там имели в виду; ага, погоди-ка... теперь все ясно. Карл Хеннинг Томсен получил заказ о перевозке товаров со склада в Херлеве на адрес «улица Бэккеванг, 19» в Рёдовре, однако адреса «Бэккеванг, 19» в природе не существует: последний дом на этой улице – 17-й. Следующий за ним угловой дом, который должен был быть 19-м, имеет адрес «Баккехойвай, 45» – улица Бэккеванг перетекает в улицу Баккехойвай.

– Та самая половина дома, которую Андреас Фалькенборг приобрел, а затем сразу продал?

¹⁷ «Город стариков» – дом престарелых, а также жилой комплекс для пожилых людей в Копенгагене.

- Да.
- Найди дату покупки, а также дату исчезновения Катерины Томсен.
- Он приобрел свою часть дома 4 декабря 1996 года, а Катерина Томсен пропала 5 апреля 1997 года.
- Вызови ко мне Арне и Графиню.

В ожидании своих ближайших сподвижников Конрад Симонсен занялся внимательным изучением фотографий Андреаса Фалькенборга, которые он получил полчаса назад и сразу же приколот к своей информационной доске. Со снимков ему улыбался приятный человек лет пятидесяти с небольшим. Лицо было довольно-таки типичным, и Конрад Симонсен подумал, что оно прекрасно смотрелось бы в каком-нибудь рекламном ролике, как лицо самого что ни на есть обычного представителя датской нации.

Первым пришел Арне Педерсен; он принес кое-какие интересные новости, да и сам был, по-видимому, в неплохом настроении.

– Мы отыскали свидетеля, показания которого позволяют с большой долей вероятности установить факт знакомства Андреаса Фалькенборга с Катериной Томсен. Если так можно выразиться, он даже дважды свидетель, поскольку принадлежит к числу Свидетелей Иеговы.

Конрад Симонсен явно не оценил остроты подчиненного; вошедшая в этот момент в кабинет Графиня также, похоже, была не расположена к шуткам. Видя это, Арне Педерсен поспешил продолжить:

– Этот человек, по всей видимости, был напарником Катерины Томсен во время их обычного поквартирного обхода, и он абсолютно уверен, что разговаривал с Андреасом Фалькенборгом. Лица он, правда, не вспомнил, однако, когда наши коллеги привели его к подъезду дома, где в то время проживал Андреас Фалькенборг, он однозначно опознал картинку, висящую на стене дома рядом с входной дверью. Он сказал, что долго разглядывал эту картинку, пока его напарник беседовал с владельцем квартиры. К сожалению, он не совсем точно помнит, кто был его напарником в тот самый день. Вполне возможно, что Катерина Томсен, однако в точности он не уверен.

Графиня была удивлена:

– Кто же вешает картины рядом с подъездом?

– Ну, это не совсем картина – так, скорее, своего рода декорация. Ею закрыто окно в ванную комнату, и не спрашивайте меня, зачем там понадобилось окно, – этого я не знаю. Вообще-то это фотография лошади, довольно хорошая, сделанная каким-то любителем.

– А возможно получить показания прочих потенциальных его напарников из числа Свидетелей Иеговы о том, что они никогда в этот подъезд не заходили? Я имею в виду, чтобы Катерина Томсен осталась единственной вероятной кандидатурой?

– Над этим работают, но не стоит забывать, что ежедневно они посещали множество людей, а этому эпизоду уже семь лет.

– Какого это было числа?

– Точно неизвестно, но где-то на протяжении первых трех недель июня 1996 года – в этом он уверен.

– Значит, больше чем за семь месяцев до ее убийства?

– Да, по-видимому, так.

– Тьфу, вот ведь скользкий дьявол! – выругалась Графиня.

– Вот именно, потому-то я и пытаюсь объединить наши усилия. Да, кстати, еще одно. Мне до сих пор никто ничего не рассказывал о его сожительницах, любовницах, о мужчинах или женщинах, с которыми он был близок, проводил время и так далее. Есть у вас об этом хоть что-то?

Арне Педерсен покачал головой.

– В этом направлении мне не удалось разыскать ничего. Он всегда жил один – во всяком случае, официально.

Графиня поддержала:

– У меня тоже пусто. На базе его любили, он был услужлив, однако не особо общителен и, насколько нам известно, любовниц у него не было. Да, верно, многие считали его слегка чудаковатым, но так, ничего особенного, и никто, с кем я разговаривала, не имел ничего конкретного против него. В общем и целом в настоящий момент я мало чего могу добавить к портрету Андреаса Фалькенборга, однако на базе работало около девятисот человек, к тому же они все время менялись, так что я еще далеко не исчерпала возможности найти того, кто знал его близко. Что касается Мариан Нюгор, то с ней дело обстоит проще, поскольку она женщина, а они там были в дефиците, так что в основном их прекрасно помнят, а ее так и подавно – по причине внешности. Вопрос состоит лишь в том, а надо ли нам вообще идти по этому следу. Это уж, Симон, тебе решать.

Конрад Симонсен проворчал нечто неразборчивое, и после недолгого колебания Графиня истолковала это как знак того, что от нее требуют продолжать. Чтобы ввести слушателей в курс дела, она начала рассказывать им о том, как в начале восьмидесятых складывалась жизнь на базе в Сёндре Стрёмфьорде. Слушая поток обрушившихся на него слов, Конрад Симонсен разглядывал ее блузку и думал о том, что куплена она, по-видимому, в каком-то жутко дорогом дизайнерском бутике, где сами вещи носят гордое название *коллекции*, а сопутствующие принадлежности величают *аксессуарами*. Блузка была шелковая с бледно-зелеными и коричневыми узорами, напоминающими ему весенние буки, когда нежные молодые ростки на их ветвях сменяют сморщенные прошлогодние листья, и все это изрядно отвлекало его от рассказа, мешая сосредоточиться. Чтобы вновь обрести нужную концентрацию, он даже ущипнул себя за руку – и, как оказалось, вполне вовремя, чтобы суметь ответить на вопрос Графини, не подав виду, что прослушал добрую половину того, что она наговорила. Графиня спросила:

– Ну, так как ты думаешь? Стоит нам продолжать разрабатывать их и завтра? И нужно ли это в отношении обоих – то есть и Андреаса Фалькенборга, и Мариан Нюгор? – Нет, пока что оставим в покое эту базу. Там едва ли что удастся обнаружить, а кроме того, к этому мы всегда успеем вернуться, если обстоятельства как-то изменятся. – О'кей, тогда я так и поступлю.

Быть может, главный инспектор расслышал крохотную заминку в ее голосе или же просто за многолетнее общение научился читать мысли своих подчиненных, а может, вспомнил, что сам разрешил ей пару дней действовать самостоятельно, – как бы там ни было, однако он все же передумал:

– Я правильно понял, что ты все-таки хочешь копнуть чуть глубже?

Если его интуиция и удивила Графиню, то, во всяком случае, виду она не подала:

– Сейчас я не могу привести никаких разумных доводов в пользу этого, однако один из свидетелей рассказывает, что за последние две-три недели до убийства поведение Мариан Нюгор изменилось. Помимо всего прочего, она стала избегать участия во всяких празднованиях и вечеринках, чего раньше за ней никогда не замечалось. Мне это кажется любопытным, хотя пока что, как уже было сказано, я не знаю, насколько это связано с нашим делом и что именно это нам дает.

– И как ты думаешь выяснять? У тебя есть какой-нибудь источник информации?

– Быть может, одна из ее подруг – но об этом я буду знать только завтра.

– Хорошо, даю тебе еще несколько дней, тогда и посмотрим, во что это все выльется. А теперь давайте сосредоточимся на некоторых ключевых датах. У нас есть основания предполагать, что впервые Андреас Фалькенборг встречается Мариан Нюгор в «Городе стариков», где она работает медсестрой в том отделении, в котором находится бабушка Фалькенборга. Это могло произойти либо в январе, либо в феврале 1982 года. И только лишь 13 сентября 1983 года – то есть больше чем полтора года спустя, он ее убивает, при этом последовав за ней аж

на Гренландию. Практически та же неприятная картина наблюдается и в случае с Катериной Томсен. Они случайно встречаются в июне 1996 года, и через восемь месяцев он убивает ее. По всей видимости, после того, как ценой невероятных усилий ему удастся получить пакет с отпечатками пальцев отца жертвы – тот самый пакет, которым...

Договорить Конрад Симонсен не успел – его прервала ворвавшаяся без стука в кабинет бледная как смерть Полина Берг. В руке у нее была фотография молодой женщины, похожей на Мариан Ньюгор. Или на Катерину Томсен. Очень похожей...

Глава 10

Когда рабочий день окончился, Конрад Симонсен пригласил всех сотрудников отдела выпить пива. Подобные события происходили вовсе не часто и потому имели особую ценность для всех приглашенных.

Согласно традиции, главный инспектор на правах проставляющегося повел всех в кабачок «Копенгаген» – расположенную чуть наискосок от здания Глиптотеки ¹⁸ самую что ни на есть обычную пивную, основную массу посетителей которой составляли сотрудники полиции. Графиня, Арне Педерсен и Поуль Троульсен устроились за одним столиком с шефом. Прочие коллеги расселись по залу и старались ничем не привлекать внимания руководства, если не считать, что время от времени то один, то другой салютовал поднятым бокалом их столику. Атмосфера в заполненном едва наполовину заведении была бодрой, однако никаким разгулом здесь и не пахло; из дальнего, выдержанного в старинном стиле, угла звучал какой-то негромкий шлягер, смысленный улыбчивый бармен полностью контролировал обстановку, подмечая вокруг себя все и всех. Вскоре к остальным сотрудникам присоединилась и Полина Берг. Она на некоторое время отлучалась по какому-то делу – зачем именно, девушка не сказала никому – и теперь вернулась, держа в руке пластиковый пакет из «Иллума» ¹⁹, который она, не обращая внимания на любопытствующий взгляд Графини, сразу же небрежно затолкала под свой стул. Все в очередной раз подняли бокалы с пивом, и Конрад Симонсен пожелал всем успешной работы, провозгласив дежурный тост, который, впрочем, никто толком не расслышал. За столиком руководства завязалась оживленная беседа, в которой, вообще говоря, участвовали в основном дамы, позволяя мужчинам лишь изредка вставлять ничего не значащие замечания. Только когда Полина Берг на мгновение смолкла, чтобы перевести дух, Арне Педерсен решился наконец нарушить господство женщин в разговоре и, презрев принцип не обсуждать в свободное от работы время детали текущего расследования, сказал:

– Интересно все-таки было бы знать, скольких всего женщин он убил? Что, если нам видна лишь вершина айсберга?

Поуль Троульсен сразу же подхватил:

– Вполне вероятно, черт возьми, что их много больше. Ведь вовсе не достаточно проверить только нашу базу данных по пропавшим лицам. Это могут быть еще и не вернувшиеся домой туристки, которых он убивал во время собственных отпусков, не говоря уже о том, что молодые черноволосые женщины – вполне возможно, лишь одна из групп среди его чудовищных предпочтений. Черт его знает, а может ему нравятся также и рыжеволосые мальчики? Надеюсь, Симон, ты будешь хорошенько присматривать за ним, пока нам не удастся наконец его засадить.

Ответ Конрада Симонсена прозвучал довольно резко:

– Присмотрю, насколько хватит выделенных мне ресурсов.

– На этот раз, хочется верить, начальство не поскупится. По мне, так в данном случае я не против был бы даже лишиться части личных пенсионных накоплений. Лишь бы только знать, что он не разгуливает бесконтрольно.

– Хуже всего то, что он выглядит абсолютно обычным человеком. Но стоит мне только вспомнить лица девушек в пластиковых мешках... Умереть подобным образом! Да такой психопат не заслуживает ничего, кроме смертной казни!

Полина Берг без особого труда подхватила новую тему беседы.

¹⁸ Глиптотека – художественный музей в Копенгагене.

¹⁹ «Иллюм» – модный магазин в центре Копенгагена.

Поуль Троульсен кивнул, демонстрируя свою полную солидарность с высказанными ею мыслями. Графиня же, прекрасно понимая, к чему все это ведет, напротив, покачала головой и сказала:

– Ну да, конечно, а также, полагаю, суд по упрощенной процедуре. И как в старое доброе время, высочайшее соизволение на применение в ходе допросов пыток. Так недолго договориться до всего этого. Имеется в виду, чтобы потихоньку вытянуть из него признание. Что ж, понимаю, среди наших великих союзников такие меры сейчас куда как популярны.

Слова ее, как она и рассчитывала, незамедлительно возымели эффект. Арне Педерсен отрицательно затряс головой, а Поуль Троульсен резко возразил:

– Ведь это вовсе не мы убили больше трех тысяч своих соотечественников, и, честно говоря, я понимаю американцев, которые в большинстве своем не желают вдаваться в юридическую казуистику, когда речь заходит о людях, виновных в массовых убийствах.

– То, что ты зовешь юридической казуистикой, у нас называется правами человека.

– Что-то я не въезжаю. О чем это вы? – Полина Берг с недоумением посмотрела на Графиню.

– О пытках, дружок, о пытках. А точнее, о чрезвычайной программе США по выдаче террористов, которая представляет собой пособие по пыткам для палачей всего мира. Пожалуйста, дескать, мучайте их, что называется, «by proху»²⁰. И не делайте вид, будто не знаете, что и Дания в этом участвует. «The Torture Jet»²¹ уже не раз побывал в Каструпе²², однако признать это стало бы дурным тоном в политическом аспекте. К твоему сведению, пытки применяются не к лицам, осужденным за террористическую деятельность, а к тем, кого еще только подозревают в ней.

Поуль Троульсен с вызывающим видом пожал плечами:

– Что ж, если это помогает спасать жизни невинных, то, будь уверена, данный факт не помешает мне спать по ночам.

В перепалку вмешался Конрад Симонсен:

– Известно, что в XI–XII веках в Дании сожгли на кострах около тысячи ведьм; самое интересное, что почти все они были так или иначе и вправду замешаны в колдовстве, хотя в подавляющем большинстве сознавались в этом лишь после того, как какое-то время провели на скамье пыток. Нет, в действительности пытки, кроме того, что отвратительны сами по себе, еще и совершенно непродуктивны с точки зрения установления истины. На результаты допросов с их применением просто-напросто нельзя полагаться.

Арне Педерсен первым допил свое пиво. На его взгляд, дискуссия начала приобретать слишком уж ожесточенный характер. Обращаясь к Графине и Конраду Симонсену, он примирительно сказал:

– Вы так всегда легко об этом рассуждаете, что иногда мне тоже хочется взять на вооружение эту вашу профессиональную этику, или как там еще это называется. Однако я твердо знаю, что, если кто-то вздумает угрожать моей семье, я, черт побери, ни перед чем не остановлюсь.

Взглянув на часы, он добавил:

– Ставлю всем еще по бокалу и ухожу – мне уже пора.

²⁰ «by proху» (англ.) – по доверенности, с ведома.

²¹ «The Torture Jet» (англ.) – «Пыточный борт» – специальный самолет для перевозки в США предполагаемых террористов из других стран.

²² Каструп – аэропорт в Копенгагене.

Глава 11

Отыскать женщину, которая двадцать пять лет назад, работая на американской военной базе, расположенной в Сёндре Стрёмфьорде на Гренландии, носила прозвище Двухметровая Любовь, оказалось делом не из легких. И вот, когда Графине с помощью множества окольных путей наконец удалось выяснить ее настоящее имя, по иронии судьбы оказалось, что два дня назад эта самая дама отправила по электронной почте сообщение в отдел по расследованию убийств, поскольку обладала сведениями о Мариан Нюгор, которые, как она считала, могли заинтересовать полицию. Разумеется, данное сообщение содержало все те личные данные отправителя, на поиск которых у Графини ушел не один час. Звали ее Алина Хольмсгор, и патронажная медсестра, с которой Полина Берг беседовала во время их поездки из Роскилле в Вибю, была не так уж неправа, предсказав, что, по всей видимости, карьера этой женщины должна иметь какое-то отношение к книгам. Оказалось, что Алина Хольмсгор была профессором риторики Копенгагенского университета.

Графиня ответила на ее послание и пару раз тщетно попыталась связаться с ней по указанному здесь же номеру мобильного телефона. Неожиданно, когда она уже почти утратила всякую надежду, положительный результат дал звонок на кафедру масс-медиа, восприятия и распространения информации, и это несмотря на то, что осенний учебный семестр в университете еще не начался. Любезный секретарь кафедры поведал, что в данный момент профессор находится на работе, однако где именно, он, к сожалению, не знает. Здание университета располагалось на улице Ньяльсгаде в районе Исландской пристани. Если смотреть с высоты птичьего полета, то по прямой от префектуры полиции до него было не больше километра, так что дойти туда пешком не составляло особого труда. В то же время, поскольку на улице стояла прекрасная летняя погода, это был неплохой предлог, чтобы немного прогуляться. А также повод убедить саму себя в том, что она вполне может отправиться куда угодно, нимало не заботясь, кто встретится ей по дороге.

Город, казалось, встретил Графиню светлой солнечной улыбкой, и она с готовностью улыбнулась ему в ответ. Так, широко улыбаясь, она и шла по улице вплоть до того, как ей пришлось посторониться и едва не уткнуться в стеклянную витрину, пропуская идущую навстречу по узкому тротуару женщину с детской коляской. Одно из колес коляски отчаянно скрипело, что моментально вызвало у Графини приступ раздражения. Неужели так трудно капнуть на ступицу пару капель масла, чтобы не нервировать окружающих? Увидев свое отражение в витрине, она подумала: какая же я все-таки уродина. Приземистая, вся сморщенная, через пару лет – полтинник. Скоро уже два года, как у нее не было мужчины. Помнится, тогда ее пригласили на обряд конфирмации, и ей так и не удалось отговориться, хотя в числе приглашенных были также и ее бывший муж со своей новой пассией. Ей пришлось прибегнуть к помощи наемного актера, ибо даже сама мысль явиться туда в одиночестве казалась ей невыносимой. Затем она также заплатила ему за то, чтобы он сопровождал ее во время недельного отпуска – о чем после не раз сожалела. Однако тут уж ничего не поделаешь – что сделано, то сделано. Ночью все было просто превосходно, а днем – отвратительно. Актер оказался столь же самовлюбленным, сколь бесталанным – а этим многое было сказано. И вот теперь у нее снова появился мужчина – по крайней мере, в доме. А там, глядишь, понемногу и все прочее наладится. Отвернувшись от витрины, она осмотрелась по сторонам и продолжила свой путь.

Алина Хольмсгор с годами не утратила своего очарования; в свои восемьдесят с лишним она все еще была красива. Высокая, со слегка морщинистым лицом, она, стоя у доски, то что-то писала, то жестикулировала, поражая изяществом, заключенным практически в каждом движении. Графиня осторожно проскользнула в дверь аудитории, где профессор вела занятие, и на протяжении пары минут имела возможность как углубить познания в предмете, так и

созерцать своего свидетеля, а также ее студентов. В группе их было пятеро, все – молодые женщины; расположившись на первом ряду, они сосредоточенно делали пометки в своих ноутбуках. В одной из них Графиня узнала популярную телеведущую, в другой – не менее известного политика. Заметив наконец, что у них появился гость, Алина Хольмсгор прервала занятие и подошла к Графине, которая коротко представилась. Профессор окинула ее с ног до головы недоверчивым взглядом и поинтересовалась:

– И удостоверение есть?

Вынув свое удостоверение, Графиня продемонстрировала его ей. Алина Хольмсгор внимательно его изучила, после чего извиняющимся тоном сказала:

– Прошу прощения, но в какой-то момент я приняла тебя за представительницу прессы. Тут мне недавно звонили какие-то журналисты, так я насилу от них отвязалась.

– Ничего, все в порядке, наоборот, мне следовало самой для начала представиться.

Профессор одобрительно кивнула.

– Полагаю, речь у нас пойдет о Мариан.

– Абсолютно верно. Если, конечно, я не мешаю.

– Я совсем скоро освобожусь. А ты сама очень торопишься?

– Да не особо.

– Знаешь Дом культуры у пристани?

– И даже очень хорошо.

– Что скажешь, если мы встретимся там после того, как я здесь закончу? Как я уже говорила, много времени это не займет. Мне кажется, просто преступление сидеть в помещении в такую погоду.

Час спустя обе женщины сидели на скамье за столиком кафе и любовались видом раскинувшейся напротив набережной. Силуэты массивных зданий причудливо искажались, отражаясь в воде, а лучи солнца, попадая на их стеклянные фасады, преломлялись и слепили глаза. Время от времени по каналу проходили широкие плоскодонные прогулочные катера; тогда дамам приходилось прерывать свою беседу, улыбаться и приветливо махать всевозможным туристам, которые торопились запечатлеть их для своих фотоальбомов, а также слушать обрывки школьного английского, звучащего из уст экскурсовода. С самого начала у них не возникло никаких проблем с установлением контакта – вне всякого сомнения, они прекрасно подходили друг другу. Так, когда пришло время выбирать напитки, обе сошлись во мнении, что для белого вина время еще слишком раннее, и тем не менее заказали себе по бокалу. Они не могли не начать с разговора об архитектуре, ибо данная тема настоятельно диктовалась чудесным видом, и могли бы, казалось, болтать так часами обо всем на свете, если бы не сложившаяся ситуация. Обеим это было предельно ясно. Первой взяла себя в руки Графиня – ведь это именно она занималась расследованием серии жестоких убийств.

– Во время работы на Гренландии вы с Мариан Ньюгор были подругами?

– Да, и весьма близкими. Так что для меня явилось настоящим ударом, когда она умерла или, вернее, пропала – хотя все мы прекрасно понимали, что именно это значит. Несмотря ни на что я все же долгое время надеялась, что ее обнаружат живой, хотя в глубине души и догадывалась, что такое вряд ли возможно.

– Значит, у тебя даже не возникало подозрений, что она могла стать жертвой преступления?

– Ни малейших. Сообщение об этом настолько меня шокировало, что я до сих пор еще не могу полностью прийти в себя. Мне становится жутко при одной только мысли об этом, но приказывать себе не думать я не могу.

– Да, действительно, все это жутко. Ты прислала сообщение, что обладаешь информацией, которая, по твоему мнению, могла бы нас заинтересовать. Будь добра, расскажи об этом поподробнее.

Алина Хольмсторг нервно забарабанила пальцами по столу. Хотя ногти у нее и были коротко подстрижены, однако звук этот порядком действовал Графине на нервы.

– Когда я писала свое сообщение, мне действительно так казалось. Однако теперь, хорошенько все обдумав, я стала сомневаться, так ли уж это важно.

– Позволь нам судить об этом.

– Ну, хорошо. Итак, ты ведь знаешь, что Мариан была беременна, когда она... пропала?

Графиня только вчера прочла о беременности погибшей в заключении патологоанатома. Данное обстоятельство немало ее удивило, и в связи с ним возникало несколько вопросов. Она сказала:

– Да, нам это известно и кажется довольно странным.

– Что ж тут такого странного?

Графиня прикусила язык. Алине Хольмсторг было вовсе необязательно знать о тампоне, извлеченном медиками из тела ее убитой подруги, однако теперь, по-видимому, избежать рассказа об этом будет сложно. Графиня попыталась было вывернуться:

– Нет, так у нас дело не пойдет. Я буду задавать вопросы, а ты отвечать. Не наоборот. Расскажи-ка мне лучше...

Фраза ее повисла в воздухе. По всей видимости, профессор сама догадалась обо всем. Прекратив барабанить пальцами по столу, она с видимым огорчением сказала:

– Беременность Мариан протекала не вполне нормально. Хотя этого и не должно было быть, однако месячные у нее продолжались. Ее даже возили в Хольстенсборг²³ для тщательного обследования, но никаких патологий не нашли. А что, в момент смерти у нее была менструация?

– Да. А тебе известно, кто был отцом ребенка?

– Нет, понятия не имею. Я подумала, что как раз это может вас заинтересовать. Когда Мариан созналась, что забеременела, все было довольно-таки таинственно и пахло чуть ли не мистикой, а сама она ни за что не хотела никому ничего раскрывать. Прежде всего, я имею в виду – имя отца.

– Может, тебе стоит начать с самого начала.

– Да, разумеется. Мариан забеременела примерно за десять недель до гибели. От геолога, который прожил на базе четыре дня в ожидании, пока погода наладится, и он сумеет продолжить свой путь в Туле. По ее словам, они влюбились друг в друга с первого взгляда – бах, и все, ну прямо как в дамских романах. Во всяком случае, это относилось к Мариан. Что касалось его, то у меня на этот счет существуют серьезные сомнения. Он утверждал, что его зовут Стин Хансен. Однако это была ложь...

Прозвучавшее имя поразило Графиню как удар молота. Рот у нее сам собой раскрылся, из руки выскользнул бокал. При ударе ножка от него откололась, и остатки вина растеклись по столу. Алина Хольмсторг встревожилась:

– Что случилось? Тебе нехорошо?

Усилием воли Графиня снова взяла себя в руки. Она сделала отчаянную попытку избавиться от звучащего у нее в ушах сухого женского голоса, повторяющего раз за разом: *Вцепись в Стина Хансена, Баронесса. Вцепись в Стина Хансена*. Даже сказанные по телефону слова эти ей тогда ох как не понравились. Сейчас же было и того хуже.

– Нет-нет, ничего страшного. Продолжай.

²³ Хольстенсборг – город в западной части Гренландии.

– В общем-то, о том, что в действительности звали его совсем не так, я узнала позже. Но и тогда в нем были заметны некоторые странности и, скажем так, несоответствия. Помню, как мы, девушки, обсуждали между собой, что никогда не видели, чтобы геологи так хорошо одевались, – как правило, все они бывали похожи бог знает на что. Кроме того, выглядело в высшей степени странным, что как только погода развиднелась, американцы не пожалели выделить для него свой лучший самолет. Все мы так думали, однако в общем и целом не особенно старались в этом разобраться. Ведь разных историй случалось великое множество, и со временем все они как-то забывались.

Алина налила в опустевший бокал капельку воды и выпила.

– Ну вот, значит, через три-четыре недели после его отъезда Мариан поняла, что беременна. О том, чтобы прервать беременность, речь даже не шла: однажды она уже делала аборт и едва смогла оправиться от психологической травмы. Тогда Мариан решила написать отцу ребенка. Адреса она не знала – только его имя – и потому отправила письмо в ГГИ, где, по собственному его утверждению, он работал.

– ГГИ?

– «Гренландские геологические исследования». Тогда эта структура входила в состав министерства по делам Гренландии и была расположена на улице Эстер Вольгаде вместе с прочими геологическими организациями. В настоящий момент она слилась с одной из них. Да, так письмо ее вернулось обратно – никакого Стин Хансена там не знали. Пару дней Мариан ходила как в воду опущенная, а потом решила направить послание *командору базы* в Туле. Вообще говоря, у нас такое было не принято, однако, с другой стороны, что еще ей оставалось делать? Она обрисовывала сложившуюся ситуацию и просила, чтобы командор, если существует такая возможность, переправил ее письмо адресату. К письму она приложила фотографию Хансена. Снимок был любительский и не особо четкий, но, как бы там ни было, в конце концов настойчивость ее была вознаграждена: две недели спустя он ей позвонил. Оказалось, что этот проходимец женат и имеет детей в браке. Тем не менее у него, по крайней мере, хватило духу с ней связаться.

– Почему же она так и не сказала, как на самом деле его зовут?

– Не знаю, по какой-то причине не захотела. Помню, тогда это меня покорило. Мы даже поругались с ней на этой почве, однако она уперлась – и ни в какую! А потом она пропала, и меня еще долго мучила совесть, поскольку я предполагала, что она могла вполне сознательно уйти во льды, понимаешь?

Графиня кивком подтвердила, что ход мыслей собеседницы ей ясен.

– И все же, как уже было сказано, какое-то время я в глубине души надеялась, что она вернется. Все это как-то не укладывалось у меня в голове: ни о какой тяжелой депрессии и речи быть не могло. Да, она несколько замкнулась, но – не более того. За пару дней до исчезновения мы даже разговаривали с ней об одежде для малыша и тому подобных вещах. Вот, в общем-то, и все, о чем я хотела рассказать, и, как видно, это тебе не очень помогло.

– Может – да, может – нет. А этот лже Стин Хансен, как он выглядел?

– Вполне обыкновенно: светловолосый, стриженный коротко, под ёжика, лет тридцати с небольшим. На самом деле я его почти не помню – так, разговаривали пару раз. – Какие-то особые приметы?

– Ничего, что мне бы запомнилось. За исключением стрижки. Я имею в виду, он был единственным датчанином с такой короткой прической. У всех остальных волосы были гораздо длиннее – по крайней мере, уши закрыты. А впрочем... да, точно, теперь припоминаю, имелась одна особенность. Голос у него был чрезвычайно высокий, прямо как у девушки. Кажется, это называется фальцет. Некоторые даже звали его за это «певцом-кастратом»... ну, или дразнили так. У нас ведь все имели прозвища, даже те, кто провел на базе всего ничего...

Слова собеседницы прозвучали в ушах Графини волшебной музыкой. Никогда еще прежде с ней не случалось такого, чтобы в течение одной минуты она дважды чуть не падала со стула от сведений, которые сообщил ей свидетель. На этот раз, однако, ей удалось справиться с эмоциями и убедить себя, что все ее ассоциации беспочвенны и нуждаются в подтверждении, получить которое будет чертовски сложно.

Она снова сосредоточилась на беседе:

– Может, еще какая-нибудь информация о нем?

– Да, он, помнится, подарил ей свою шапочку, но это, наверное, не имеет никакого значения?

– Нет, почему же, расскажи.

Алина Хольмсгор на мгновение прикрыла глаза, по-видимому, вспоминая, а затем начала рассказывать:

– Значит, у него была такая вязаная шапочка с узором из разноцветных переплетенных лилий. Он уверял, что ее ему связала мама, хотя это вряд ли, поскольку изнутри был пришит ярлык фирмы-изготовителя. Как бы там ни было, Мариан с ума сходила по этой шапке, и в конечном итоге он и подарил ее ей.

– На память?

– Да, вполне может быть. В любом случае она здорово радовалась. Мне эта шапка казалась уродливой – слишком пестрой. Помню, однажды она крутилась в ней перед зеркалом, и я высказала все, что думаю по этому поводу. Мариан же ответила в том смысле, что, по крайней мере, с помощью такой шапочки можно привлечь внимание мужчин в случае, если нечем будет платить за квартиру. Разумеется, шутила. Но подарок ей действительно нравился – она все время ее носила, и я уверена, что именно эта шапка была на ней в тот день, когда она пропала. Где я только ее не искала в последующие дни. Странно, но из-за нелепой шапочки исчезновение Мариан еще сильнее подействовало на меня, хотя, разумеется, это и глупо.

Графиня кивнула. Видела она эту шапочку – та лежала возле трупы Мариан Ньюгор. Графиня невольно подумала, что, споря с подругой, Алина Хольмсгор была, несомненно, права: едва ли подобную шапку можно было назвать красивой. Она решила сменить тему.

– А неизвестно, почему он назвался чужим именем?

– К сожалению, нет. Мариан утверждала, что он на самом деле был геологом и прибыл для того, чтобы вести некие тайные переговоры с американцами относительно концессии на добычу каких-то там полезных ископаемых. Вообще-то это выглядело правдоподобно с точки зрения сохранения секретности. В то время как раз возникли острые разногласия между противниками использования атомной энергии в Дании и Гренландии, с одной стороны, и ГГИ и Национальной лаборатории по исследованию возобновляемых источников энергии Технического университета Дании, с другой. Речь шла о планах добычи урана, а также, по-моему, тория в горах Кванефьельдет близ Нарсака ²⁴, и тема эта была, мягко говоря, весьма щекотливой, однако... мне кажется, это нелогично. Я имею в виду, к чему ему для этого было ехать в Туле? Какое отношение может иметь база американских ВВС к добыче полезных ископаемых? Кроме того, Туле ведь находится на расстоянии 2000 км от Нарсака.

– Стало быть, ты ей не поверила.

– В целом – нет, однако расспрашивать дальше не стала. Это ведь был 1983 год – самый разгар «холодной войны», – кроме того, я работала на американской военной базе, так что мне не казалось странным, что здесь могут происходить некоторые вещи, о которых широкая общественность знать не должна.

– Вероятно, ты права. Скажи, как ты думаешь, каким образом я бы могла взглянуть на ту фотографию Стина Хансена, о которой ты мне рассказывала?

²⁴ Горная гряда Кванефьельдет расположена в южной Гренландии близ города Нарсак.

Алина Хольмсгор на некоторое время задумалась, а затем с сожалением развела руками.

– Полагаю, это будет непросто сделать. Я совершенно не помню, откуда она появилась у Мариан.

Графиня, не перебивая, терпеливо ждала, пока она продолжит.

– Но ты ведь поняла, что к моменту гибели Мариан он давно уже вернулся домой?

– Абсолютно верно, однако мне все же хотелось бы увидеть его фотографию.

– Быть может, кое-какие шансы отыскать ее есть, хотя рассчитывать на это особо не стоит.

Ты знаешь, что такое Гренландский дом?

– К сожалению, нет.

– Это такой музей в муниципалитете Гребсков на севере Зеландии²⁵. Бывший его директор собирал частные фотографии сотрудников обеих баз – такое у него было хобби. Я сама также посылала ему копии моих снимков.

– Боюсь, что для меня это станет сизифовым трудом: ведь я даже не знаю, как он выглядел. Вот если бы ты согласилась мне немного помочь...

Пока Алина Хольмсгор раздумывала над ее просьбой, Графиня терпеливо ждала. Наконец профессор сказала:

– Завтра мы с мужем отправляемся в Цюрих. Эту поездку мы уже давно планировали, и мне не хотелось бы ни отменять ее, ни откладывать. С другой стороны, оказать тебе помощь в этом деле – мой прямой долг перед Мариан, ну и, если уж на то пошло, перед обществом в целом. Так что тебе решать, насколько это важно и безотлагательно.

Как ни соблазнительно было воспользоваться представившимся шансом, Графиня все же сдержалась:

– Нет, поезжайте спокойно в отпуск – дело терпит.

– Рада это слышать, однако я тут подумала, что все же смогу тебе кое-чем помочь. Если сегодня по интернету я вышлю тебе точные временные рамки пребывания на базе в Сёндре Стрёмфьорде нашего друга, то тебе предстоит просмотреть не так уж много снимков, если, разумеется, таковые вообще окажутся в наличии...

Они беседовали еще некоторое время, обсуждая детали предстоящего сеанса виртуальной связи, и когда наконец обо всем договорились, у Графини остался к профессору последний – не слишком приятный – вопрос. Достав из сумки фотографию Андреаса Фалькенборга за 1983 год, она выложила ее перед собеседницей.

– А его ты узнаешь?

– Да, это Пронто, ну, тот, ребячливый такой... Что, ты хочешь, чтобы я и о нем тебе рассказала? О нет, не может быть...

Ничего полезного о нем профессор так и не смогла припомнить.

²⁵ Зеландия – остров, на котором расположена большая часть Копенгагена.

Глава 12

В то время как Графиня на Исландской пристани с наслаждением потягивала сухое вино, ее коллеги из убойного отдела на двух машинах направлялись на юг Зеландии. В авангарде были Конрад Симонсен и Поуль Троульсен, причем, несмотря на более почтенный возраст, за рулем сидел именно последний. За ними, во втором автомобиле, ехали Арне Педерсен и Полина Берг. Поуль Троульсен недовольно шурился от ярких лучей летнего солнца, которые уже с самого утра предвещали жаркий денек. Покосившись на сидящего на пассажирском сиденье шефа, который был погружен в чтение каких-то записей, старый сыщик проворчал:

– Не понимаю, Симон, как ты только это выносишь? На мне одна лишь футболка, и то пот градом течет, а ты – в костюме, и хоть бы что. Такое впечатление, что жару ты просто не замечаешь. Ты, случаем, не слышал прогноза погоды?

Конрад Симонсен на мгновение оторвался от своего занятия и не без зависти взглянул на коллегу. Несмотря на возраст, на его прекрасно тренированном теле, казалось, не было ни грамма лишнего жира; мощные мускулы рук распирали рукава футболки. На предплечье красовалась выцветшая татуировка журнальной красотки, сделанная, по-видимому, еще в то время, когда Нюхавн²⁶ был криминогенным районом. Что касается собственного теплообмена, то он не в силах был его контролировать. Иногда он отчаянно потел без всяких видимых к тому причин, а по временам, как, например, сейчас, даже в жару оставался практически сухим. Причиной всего этого служил его диабет. Уступив искушению немного поддразнить коллегу, он откликнулся:

– А как же, слышал: обещают жару.

Сокрушенно вздохнув, Поуль Троульсен решил сменить тему:

– Вчера мы с женой вынуждены были нянчиться с внуками, так что у меня не было ни одной свободной минуты; поэтому в настоящий момент я не имею ни малейшего представления, что мы делаем. Вот я и подумал, может, ты все-таки вкратце меня просветишь?

Конрад Симонсен нехотя согласился: в противном случае им пришлось бы поменяться ролями – ему вести машину, а Поулю Троульсену читать вчерашние отчеты, – но на это у него не было ни малейшего желания. Не мог же он, в самом-то деле, осуждать сотрудника за то, что у него есть личная жизнь? Обычно тот всегда бывал в курсе событий и работой отнюдь не брезговал.

– С чего мне начать?

– Да прямо с начала.

– О'кей. Итак, Анни Линдберг Ханссон, 24 года, из местечка Юнгсхувед близ Прэстё, пропала 5 октября 1990 года. После окончания своего рабочего дня в офисе в Вордингборге²⁷ она отправилась на междугородном автобусе в сторону Прэстё и, как обычно, вышла на остановке, расположенной за четыре километра от ее дома. Оставшуюся часть пути она всегда проделывала на велосипеде, который оставляла у остановки на обочине. С тех пор ее никто не видел. Нас она заинтересовала по причине своей внешности. Ты ее фотографию видел?

– Да, это я успел. Она похожа на Мариан Нюгор и Катерину Томсен.

– Верно, похожа. Те же черные волосы, карие глаза, то же телосложение, а также мило-видное лицо с тонкими чертами и красивыми высокими скулами.

– И в то время, когда она исчезла, где-то поблизости проживал Андреас Фалькенборг?

– В августе 1990 года он купил летний домик в Тьёрнехувед – менее чем в пяти километрах от жилища Анни Линдберг Ханссон. Народу в той местности живет немного, так что пять

²⁶ Нюхавн – район Копенгагена, где расположено множество увеселительных и питейных заведений.

²⁷ Юнгсхувед, Прэстё, Вордингборг – города и населенные пункты на юге Зеландии.

километров, как ты понимаешь, это всего ничего. Кроме того, район этот – вовсе не типичная дачная местность.

– Известно, как именно она исчезла?

– По большому счету ничего сверх того, что я уже тебе рассказал. Она вышла на остановке около восьми вечера, и с тех пор ее никто не видел.

– А что с ее велосипедом?

– Так и не был найден. Если прекратишь меня допрашивать, я сам постепенно расскажу тебе обо всем, что произошло потом. Думаю, я вполне в состоянии не упустить никаких важных деталей.

– Извини, сам понимаешь, такая привычка – это уже на генетическом уровне. Да к тому же проклятая жарница, просто сил нет ее терпеть!

Однако взывать к сочувствию Конрада Симонсена было бесполезно: у него хватало хлопот и с собственными проблемами. Язвы на лодыжках – небольшие бордово-красные пятна, которые категорически отказывались проходить – отчаянно чесались; из-за них он даже чувствовал себя как-то неловко, будто был заразным. Зато сегодня ему удалось избежать привычного ежедневного приступа утренней потливости – наверняка по причине приготовленного ему Графиней диетического завтрака. Вообще говоря, переезд в Сёллерёд²⁸ превзошел даже самые его радужные ожидания. Большая часть второго этажа огромной виллы оказалась в полном его распоряжении. Графиня помогла ему распаковать вещи, показала дом и познакомила с разными бытовыми мелочами, настояла на том, что всеми практическими делами будет заниматься сама – в том числе и теми, мучительно-неудобными, которые, как он заранее опасался, могут послужить серьезными препятствиями в их отношениях. Она попросту превратила их в шутку, сама ее манера поведения как будто излучала теплый и спокойный уют. Главному инспектору все это чрезвычайно нравилось, и в первую очередь – ее нежная забота о нем. Давно уже он не улыбался столь добродушно, как и не спал столь хорошо. И только сейчас, в машине, на него с новой силой навалились печальные воспоминания о той роковой ошибке в деле Катерины Томсен пополам с отчаянным желанием выкурить сигарету. Он, кряхтя, нагнулся, чтобы почесать свои болячки, и изо всех сил постарался сосредоточиться на том, чтобы окончательно ввести Поуля Троульсена в курс дела.

– Анни Линдберг Ханссон жила со своим отцом, который, если я правильно понимаю, читая между строк, является довольно странным в социальном аспекте типом, однако в этом нам в самом скором времени предстоит разобраться. Дом их стоит в Юнгсхувезде на отшибе неподалеку от церкви – фактически в той местности нет никого и ничего за исключением овец, водоема, этой самой церкви и маленькой усадьбы Линдберг Ханссонов. Это означает, что Анни приходилось ехать на велосипеде в полном одиночестве от остановки автобуса, где она выходила, и до самого своего дома. Трудно представить себе более удобный случай для нападения на юную девушку: мрак, полное безлюдье и фонарик велосипеда, который видно издалека.

– Что-то мне это дело все меньше и меньше нравится.

– Государство нам платит не за то, чтобы мы развлекались. Да, так на чем я закончил?.. Ну вот, уже поздно вечером отец ее заявил об исчезновении дочери, а потом – наутро – повторно. Были организованы поиски, однако местные полицейские, насколько я понимаю, не слишком себя утруждали, и это – еще мягко говоря.

– Но почему? Они что, ему не поверили?

– Да замолчишь ты, наконец? Это уже просто невыносимо! Все, попросту говоря, были убеждены, что дочка его скоро сама объявится, вероятнее всего, в Копенгагене. Дело в том, что вплоть до исчезновения они с отцом отчаянно скандалили: она хотела перебраться в город и жить – или, скорее, даже начать новую жизнь – именно там. Он же полагал, что после смерти

²⁸ Сёллерёд – пригородный район Копенгагена.

год назад его супруги – соответственно, ее матери, – дочка просто обязана остаться дома и в той или иной степени заботиться о нем. Власти долгое время придерживались того мнения, что, покинув отца, Анни, таким образом, демонстрировала свое несогласие с ним, и что позже, когда она устроится, а отец свыкнется с ее отсутствием, девушка непременно даст о себе знать. И хотя папаша регулярно навещался в полицию Нэстведа и Прэстё, его, откровенно говоря, стали просто игнорировать, а дело понемногу сошло на нет.

– Я буквально места себе не нахожу от злости, однако, разумеется, лишь потому, что подозреваю, чем все это кончилось. Действительно, ведь большинство из пропадающих бесследно молодых людей рано или поздно снова объявляются.

– Да, и слава богу, только вот Анни Линдберг Ханссон так и не объявилась – и полиция констатировала это слишком поздно, когда все следы давно уже остыли, если, конечно, они вообще были, в чем я лично очень сомневаюсь. К тому же никто так всерьез и не поверил в версию, что произошло некое преступление. В основном все склонны были думать, что она решила навсегда порвать всякие связи с родительским домом и, быть может, живет сейчас где-нибудь за границей. – Мы тоже можем на это надеяться.

– А сам-то ты в это веришь?

– К сожалению, нет – после того, как видел ее снимок и знаю, что Андреас Фалькенборг был где-то поблизости. Одному Господу известно, когда он купил этот летний домик в Тьёрнехувед – до или после того, как повстречался с ней.

– Кроме всего прочего, это то, что нам предстоит выяснить сегодня, но мне, откровенно говоря, кажется, что *после*. Это превосходно соотносится с прочими совершенными им убийствами – вполне очевидно, что он готов полностью изменить свое существование, лишь бы занять удобную по отношению к своей жертве позицию. Когда жертва уже имеется, он демонстрирует чрезвычайно целенаправленную активность – и это в совокупности с почти полной бездеятельностью в отношении... как бы точнее выразиться... поиска подходящей кандидатуры. Однозначно, нам понадобится психолог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.